

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

СМЕРТНЫЙ СТРАЖ - 2

ПРИВРАТНИК

Александр Дмитриевич Прозоров

Смертный страж

– 2. Привратник

Серия «Капитаны русской фантастики»

Серия «Смертный страж», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6192351

Смертный страж – 2. Привратник / Александр Прозоров:

Издательства: АСТ, Астрель, Полиграфиздат; Ростов-на-Дону; 2023

ISBN 978-5-222-41224-4

Аннотация

Серия захватывающих и динамичных фантастических боевиков от Александра Прозорова! Книга вторая – «Привратник». В глухих пермских лесах археологи обнаруживают древний могильник, испокон веков сокрытый от взора людей, потревожив покой древних спящих богов и пробудив их стража – загадочное существо, именующее себя нуаром. Такова завязка истории, в которой тесно переплетутся судьбы бывшего телохранителя, монаха тайного ордена и юной девушки-археолога. Опасные приключения ждут Еремея Варнака и его верного спутника – волка Вывея. Новая, расширенная и дополненная версия романа.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	23
Глава 2	60
Глава 3	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Александр Прозоров

Смертный страж

– 2. Привратник

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Текст: Александр Прозоров, 2023

© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

*** * ***

*И предал я сердце мое тому, чтобы познать
мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что
и это – томление духа;*

*потому что во mnogой мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.
(Екклесиаст 1:17,18)*

*Что было, то и будет; и что делалось, то и
будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.*

*Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот, это
новое»; но это было уже в веках, бывших прежде
нас.*

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после.
(Екклесиаст 1:9-11)*

Пролог

В этот торжественный момент на берегу Акчима они собрались всей своей полной экспедицией! Все семь человек: в джинсах, заправленных в кирзовые сапоги, ветровках, шляпах с широкими полями – сразу и не отличить, кто мужчина, а кто женщина. А куда денешься? Кругом непроходимые леса. Захочешь пофорсить – комары вмиг отобьют подобное желание. И никакие аэрозоли не спасут.

Впрочем, даже под густой, облепленной насекомыми москитной сеткой яркие зеленые глаза легко выдавали младшего научного сотрудника Дамиру Иманову, что впервые в своей жизни оказалась в роли руководителя археологической экспедиции. Пусть и под присмотром доцента Сергея Салохина, вызвавшегося принять участие в уникальном исследовании.

Пятидесятилетний ученый пыхтел, обливаясь потом от жары, и все норовил прислониться к ближайшему дереву, передохнуть, отдышаться. Однако это мало помогало: помимо аккумуляторного фонаря, его плечо оттягивала тяжелая двустволка, а таскать на себе в жару столько лишнего веса было не самой простой задачей.

– Вы бы хоть ружье в лагере оставили, Сергей Олегович! – посочувствовала младший научный сотрудник.

– Ну уж нет, Дамира... – отрицательно покачал он головой. – Я свое на деревьях отсидел, знаю, что к чему. Тут же чащоба непролазная, до ближайшей деревни тридцать верст!

Здесь медведи человека, может, в жизни не видели. Так и ходят непуганные, ни крика, ни ружья не боятся. Коли проголодаются, только картечью и остановишь.

Насчет девственной непролазной чащи доцент был прав: подходы к могильнику участникам экспедиции пришлось расчищать целых две недели, не столько копаясь в земле, сколько подрубая и растаскивая деревья, выдирая корни, выпалывая въедливый колючий кустарник. Самого же грунта здесь оказалось совсем немного: всего лишь с полметра плотно слежавшейся каменной крошки. И вот теперь овальная плита из красного гранита с непонятными петроглифами лежала перед ними, впечатанная в серое гранитное основание скалы на глубину...

На глубину пока неизвестную. Чтобы узнать, сначала нужно отделить ее от основы и хотя бы приподнять.

Дамира понимала, что в этот торжественный миг нужно произнести какие-то величественные и исторические слова, которые могли бы войти в анналы для потомков, но в голову, как назло, ничего не приходило. Да еще и великовозрастные балбесы за спиной опять устроили возню, отчего девушки жалобно запищали:

– Убери руки, идиот!

– Дамира Маратовна, Сомов опять ко мне пристает! Скажите ему, чтобы отошел!

– Сомов! – резко обернулась Иманова. – Успокоился быстро! Коли силы давать некуда, иди плиту поднимай! От-

дай камеру Сергею Олеговичу, он лучше понимает, что нужно на диск записывать, а что только для похабных роликов на ютубе годится!

Иногда ей жутко хотелось прибить обоих студентов и закопать где-нибудь под боком в непроходимой тайге! Пожалуй даже не иногда, а очень часто!

Начальница экспедиции была совершенно уверена, что и Павел Сомов, и Данила Захаров отправились на раскопки исключительно для того, чтобы комфортно уединиться вдалеке от суеты с нею и еще тремя студентками курса. В лесу ведь друг от друга ни днем ни ночью особо не разбежишься, а потому очень многое приходится терпеть и прощать.

Но что поделаешь! Выделенный на исследование грант был невелик, а ехать за свой счет в Пермский край желающих на курсе нашлось очень немного. Несмотря даже на совсем прозрачные намеки Дамиры Маратовны о будущей своей снисходительности к особо активным участникам экспедиции.

Без мужских рук в прикладной работе не обойтись, только потому и мирилась недавняя аспирантка и с сальными взглядами студентов, и с якобы случайными прикосновениями, и с двусмысленными шуточками. Хорошо хоть, ручного труда Сомов с Захаровым не чурались. И бензопилу в руках держать умели, и киркой пользоваться, и лопаты кровавых мозолей им не натирали.

Странная все-таки в этом мире закономерность: чем про-

тивнее мужики, тем больше от них в хозяйстве пользы!

— Да что ты к этому ружью прилип, Захаров! Отдай девочкам, возьми домкрат!

— Ага, как же! — огрызнулся Данила, перекидывая ремень через голову. — Они же ж-ж-ж даже не знают, с какой стороны его держать! Медведь появится — с перепугу нам же в задницы и пальнут!

— Сам дурак! — с готовностью откликнулась Катерина Зорина.

В отличие от парней, она была отличницей и вдохновенной зубрилой, да при всем при этом еще и прекрасно готовила! Так что Дамира мысленно уже поставила Катю на первое место в списке кандидатов в новые поездки.

— Кухарка!

— Дубина стоеросовая!

— Ботаник!

Торжественность момента была сведена на нет, окончательно и бесповоротно.

Дамира вздохнула и просто отошла в сторону, освобождая место возле гранитной плиты.

Павел Сомов передал видеокамеру доценту, забрав у того ружье, перекинул оружие за спину и присел рядом с приятелем, устанавливая домкрат-семитонник в приготовленную еще накануне выемку. Салохин завозился с объективом, и руководительница, спохватившись, сдернула с головы шляпу с накомарником.

Она ведь с утра даже подкрасилась, чтобы попасть в исторические архивы не замученной гримзой, а красивым и опрятным перспективным ученым!

Впрочем, для Дамиры это было совсем не трудно: округлое лицо с изящно изогнутыми соболиными бровями, смолисто-черные волосы, точеные ушки и изящный, чуть вздернутый носик были даны ей от рождения, и только розовые губы нужной формы пришлось дорисовать самой, ибо подлые комары природную красоту успели изрядно подпортить.

– Вы готовы, Сергей Олегович?

– Да, уже работает.

– Ну, тогда... – Без всякой задней мысли она достала из кармана платок и решительно взмахнула: – Данила, Павел... начинайте!

Салохин же отследил взмах объективом, затем перевел камеру на студентов, проверяющих затяжку винта на перепускном клапане.

Все было в порядке, и ребята принялись работать монтажкой. Шток домкрата пошел вверх, с треском сминая проложенное между камнем и сталью сосновое полено.

«А чего? Символично получилось...» – решила Дамира, спрятала платок и, обойдя Сергея Олеговича, присела за молодыми людьми, наблюдая за их стараниями.

Больше всего она боялась, что плита не запирала древний могильник, как полагали все на кафедре, а была вмурована в скалу в качестве украшения или дорожного знака. Кто его

знает, что и как происходило в этих древних землях в незапамятные времена.

– Помогите... – Сомов навалился всем весом на монтажную лопатку.

Данила протянул руку... Как раз в этот самый миг и послышался слабый хлопок. Плита резко дернулась вперед сразу на несколько сантиметров, открыв черную глубокую щель. Начальница облегченно перевела дух и замахала девушкам рукой:

– Валежник на площадку выкладывают! В два слоя. Чтобы гранит не повредился, если упадет.

В том, что плита упадет, сомнения не было. Студенты, на время забыв о сальностях и колоритной фигуре главной археологини, азартно засуетились: переметнулись на другую сторону плиты, поддомкратили, отжали. Пока доцент, светя в щель фонарем, делал первые кадры внутреннего помещения, они забрались наверх, нашли там какую-то опору, толкнули плиту, проложили щель поленом, отжали камень еще немного, опять проложили, подпихнули под домкрат свежую чурку и снова заработали монтажкой, уверенно увеличивая щель.

– Девочки, уходите!!! – громко предупредила Дамира, видя, что гранитная плита стоит уже на ребре, причем весьма неустойчиво.

Студентки отбежали и мудро спрятались за ближними деревьями.

Сомов и Захаров продолжали ковыряться наверху, что-то перекладывая, подпихивая, вбивая ногами. Снова принялись качать монтажкой.

Дамира попятилась, наблюдая за массивной каменной пробкой в локоть толщиной. Та медленно отклонялась, зарываясь нижней частью в серую крупку.

Внезапно плита пошла быстрее, под ней что-то дважды громко хрустнуло, и она плашмя хлопнулась на площадку, с громким треском сминая толстый кривой валежник.

Сухие сосновые ветки оказались великолепной подушкой: хотя плита и весила никак не меньше четырех тонн, однако земля от ее падения не содрогнулась, не посыпались валуны с окрестных скал, не закачались ближние деревья. Ничего не упало и внутри захоронения, куда впервые за многие тысячелетия попал дневной свет. Плита легла почти мягко и аккуратно, ничуть не пострадав.

Студенты один за другим прыгнули вниз, оказавшись с разных сторон темного зева, и театрально склонились перед преподавателем:

- Милости просим, Дамира Маратовна!
- Только после вас, Дамира Маратовна!
- Хватит паясничать, – попросила она, в красках представляя, каково будет показывать фильм с этой клоунадой на ученом совете.

И ведь не вырежешь ничего: самый момент вскрытия погребальной камеры!

– Прошу прощения, шеф! – так ничего и не понявший Сомов резко выпрямился, щелкнул каблуками, выдернул из-за плеча ружье и вытянулся во фрунт, отдав честь. Его приятель тут же последовал дурному примеру.

И Дамире Имановой снова очень захотелось задушить их обоих собственными руками!

Однако в руки, увы, пришлось взять самое себя и под прицелом объектива спокойно шагнуть внутрь.

Могильник, вырубленный в форме почти правильной полусферы, был совсем небольшим – примерно четырех метров диаметром. Пол из красного гранита, три невысоких, скупно обработанных саркофага из того же камня. Но главным оказалось не это. Главный интерес представляли быстро ползущие по стенам лианы, которые стремительно выбрасывали один за другим толстые широкие листья густо-зеленого цвета.

– Что за черт?! – Салохин, вошедший следом, торопливо закрутил камерой. – Это еще откуда?

– Наверное, когда мы убрали крышку, – неуверенно предположила Дамира, – в камере изменился газовый состав, и растения вышли из анабиоза.

– Да хоть даже из семечка проросли! – грубовато ответил Сергей Олегович. – Где ты видела, чтобы зеленая масса развивалась с такой скоростью?! Лезет, как наскипидаренная!

– Видимо, какая-то неизвестная растительная видовая порода... – Археологиня провела по листьям ладонью. – Надо

же, теплые!

– Осторожнее! – предупредил Салохин. – Лиана может быть ядовита! А вдруг этот сорт выведен специально для защиты мертвых правителей от грабителей могил? Что-то вроде проклятия фараонов.

– Разве вы верите в эти сказки, Сергей Олегович? – оглянулась на доцента Дамира.

– В лианы, растущие со скоростью пешехода, я тоже не верю, – мрачно ответил пожилой ученый, не прекращая снимать.

– Ага, одна нобелевка у нас теперь точно есть! – высказал свое мнение Павел, трогая распахнувшиеся листья кончиком ствола. – Не за мумии, так за ботанику. Надо, наверное, саженец в качестве образца взять, Дамира Маратовна?

– Если до завтра не представитесь, тогда и возьмете, – мрачно предложила Зорина, наблюдая за происходящим издалека, от края плиты. – Может, вам еще и по медицине премия выпадет. Посмертно.

– Никаких посмертно! – рывкнула Дамира, проклиная себя за то, что не догадалась сказать Салохину, чтобы тот вел съемку без звука. – Это самые обычные пещерные растения, которые долго развивались без света и свежего воздуха! Получив и то и другое, они продемонстрировали рывок роста. А теперь вспоминаем, зачем мы сюда пришли, и осматриваем саркофаги!

– Я внутрь не пойду! – категорически заявила Катя. – Мо-

жет, там еще и за ноги кто-то хватать начнет?

Студенты дружно засмеялись, однако девушки молчаливо поддерживали подругу и ко входу приближаться не рискнули.

Ребята же, оставив ружья, присели у саркофагов, осматривая крышки.

– Такое ощущение, что они просто брошены сверху, – задумчиво сказал Данила. – Но лучше сперва приподнять и осмотреть. Может, там фаска изнутри? Паш, топор далеко?

– Сейчас! – Сомов выскочил наружу и почти сразу вернулся с затертым экспедиционным топором.

Ребята вставили его в щель под гранитной крышкой крайнего саркофага, легонько постучали по обуху поленом, осмотрели трещину, нанесли еще несколько ударов – но уже в полную силу, вгоняя узкое лезвие в глубину.

Внезапно опять послышался слабый хлопок, крышка слегка подпрыгнула и сместилась чуть в сторону. Студенты отступили.

– Чего, сейчас и оттуда лианы рванут? – с нервным смешком предположил Захаров.

– Из саркофагов обычно лезут не лианы, а вампиры, – ответил Сомов и вдруг вскинул руки, зарывав: – У-у-у!!!

Среди девушек от неожиданности кто-то вскрикнул, но испуг тут же сменился нервным смехом.

– Ладно, – вмешался Салохин. – Хватит веселья! Теперь серьезное описание для протокола. Итак, пол ровный, гладкий, чистый, без следов украшений или каких-то знаков.

Стволы растений вылезают прямо из... Нет, тут явно что-то есть... По краю пола идет узкая трещина, из которой и растут лианы. На стенах никаких знаков или украшений также не наблюдается. Теперь возьмите кто-нибудь фонарь и начинайте сдвигать крышку. Зафиксируем, что находится внутри... Она трясется или мне мерещится?

Девушки снаружи опять завизжали, ребята схватились за ружья, Дамира невольно отступила на пару шагов... и лишь потом заметила ехидную ухмылку доцента:

– Что-то вы в лице изменились, ребята! Можете выдохнуть, это была шутка. Да не бойтесь, микрофон в камере я все равно не включал! Знаю я, что обычно звучит в таких случаях. Сегодня хоть без мата обошлось, и то ладно. Потом сделаем нормальный коммен...

Сергей Олегович осекся: крышка саркофага приподнялась и съехала в сторону. Сквозь открывшийся проем поднялся, задев макушкой низкий потолок грота, широкоплечий мускулистый мужчина, увешанный лохмотьями.

В первый миг все замолчали.

А потом доцент Салохин громко икнул, закатил глаза и осел на пол.

– А-а-а! – оба студента, побледневшие до снежной серости и с округлившимися до невероятности глазами, вскинули стволы.

– Не-э-эт! – вскрикнула Дамира, увидев дрожащие на курках пальцы.

Но едва мертвец протянул к Сомову руку, как тот сразу выстрелил.

Медвежья картечь вошла в тело обитателя склепа чуть ниже правого плеча, во все стороны полетели кровавые ошметки. Несчастный завопил от боли, качнулся, снова протянул руку, и Сомов выстрелил еще раз, а следом в спину мертвеца стал палить Данила Захаров.

Склеп густо заполнился едким дымом и теплыми брызгами плоти, от грохота заложило уши. Уродующие все на своем пути картечные залпы опрокинули восставшего из мертвых обратно в саркофаг – но он тут же вскочил снова, теперь с широким матовым мечом в руках.

– Бей вампира-а! – размахнулся из-за головы двустволкой Сомов, но мертвец, ловко отпрянув в сторону, резанул его поперек живота, заставив сложиться от внезапной боли, а вторым ударом глубоко и наискось прорубил спину.

– У-у-у... – Захаров, странно подскуливая, в эти самые мгновения лихорадочно перезаряжал ружье. Выкинул стреляные гильзы, трясущимися руками вогнал в казенник патроны, с громким щелчком захлопнул затвор.

Мертвец резко повернулся на звук. Стволы качнулись, пытаясь уткнуться ему в грудь, и тут же дернулись вверх, подбитые темным клинком. Лезвие взметнулось, резко упало, разрубая стрелка от основания шеи по нижним ребрам. Глаза студента поблекли, и уже безжизненное тело упало возле крайнего саркофага.

В склепе наступила тишина. Восставший из могилы мертвец осмотрелся, настороженно водя клинком из стороны в сторону.

Вся его спина была покрыта глубокими широкими ранами, словно от когтистой тигриной лапы, кровь пузырилась, сочилась из разодранных сосудов. Грудь его тоже была покрыта множеством ран – пусть и не таких страшных, как выходные отверстия.

На полу пискнула камера, сигнализируя, что объектив смотрит в темноту. Мертвец стремительно крутанулся.

Взмах – и аппарат превратился в пластиковые брызги!

Радужный обломок DVD-RW диска, кувыркнувшись, упал к ногам руководительницы экспедиции. Следом очертил стремительный полукруг кривой коричневый клинок и коснулся запястья женщины, которая застыла в немом крике, прижав ладони ко рту.

– Назови своего бога, смертная! – на хорошем русском языке потребовал окровавленный незнакомец.

– У меня нет бога, – растерянно ответила археологиня, совершенно не понимая, почему это делает.

– Назови старшего смертного!

– Я старший смертный.

– Ты же женщина! – кончиком клинка обитатель склепа отвел ладони от лица археологини.

Ученая опустила взгляд, и от вида смерти и крови Дамиру снова затрясло:

– Господи, ты же убил их... Ты убил моих студентов!!!

– Они причиняли мне невыносимую боль и едва не истребили, – ответил восставший из саркофага мертвец, осторожно стряхивая с себя обрывки древней одежды и размазывая кровь из ран. – Ни один бог не попрекнет меня за желание защититься и спасти свою жизнь! У меня очень тяжелые раны. Мне нужно немедленно поесть.

Дамира невольно сглотнула, закрыла горло ладонями:

– Ты вампир?

– Кто такой амп...пир? – в глазах мужчины мелькнула тень удивления.

– Тот, кто пьет человеческую кровь.

– Нет, – сурово ответил восставший из могильника, впеврив в нее мертвенный немигающий взгляд. – Я пью воду и ем кашу с мясом. Торопись, смертная, мне нужно поесть, предстать пред богом и познать мир! Если ты старшая в этой бригаде, я не стану тобой повелевать. Сделай это сама.

Дамира облизнула пересохшие губы и согласно кивнула, опасаясь раздражать ожившего мертвеца.

В этот миг больше всего на свете она завидовала многоопытному и находчивому доценту Салохину, безмятежно развалившемуся на полу. Но крепкие молодые нервы сыграли с археологиней очень жестокую шутку: она не потеряла сознание даже при таких безумных обстоятельствах!

Глава 1

Степенный иезуит

Пока проводник дошел до третьего купе, собирая билеты, Вывей успел без всякой торопливости забраться в нишу под изголовьем нижней полки и свернуться там калачиком.

Варнак передвинул свою сумку, закрывая от постороннего взгляда торчащие лапы, и с непринужденным видом откинулся на спинку нижней полки, уставившись в потолок. Катя, глянув вниз, наоборот, пересела дальше к окну, подперев сумку ногами и следя за проносящимися под мерный колесный перестук деревьями, домами и перронами электричек.

С легким скрипучим шелестом откатилась в сторону дверь, пахнуло углем, лавандовым освежителем и табаком с перегаром:

– Билеты предъявите, пожалуйста... – Красноухий проводник, с трудом скрывая зеботу, принял от Еремея глянцевою книжечку, пролистнул. – Ростов... Значит, до конца.

Дима, спохватившись, полез в портфель за билетами, протянул проводнику.

– Мы тоже до Ростова. Я и жена.

– Хорошо-о-о... – ответ железнодорожника плавно перешел в зевок.

– И я до конечной остановки!

Четвертым пассажиром был мужчина демонстративно аскетического вида: сухощавый и седовласый, гладко выбритый, в строгом коричневом костюме, в серой рубашке с синим галстуком и с одиноким перстнем-печаткой на пальце.

Он явно относился к той породе людей, что по достижении тридцатилетия словно мумифицировались. Кожа у них прилипала к костям, мышцы превращались в натянутые струны, взгляд твердел – и все, больше не менялось ничего. С равной вероятностью такому человеку могло быть и тридцать лет, и шестьдесят, и даже возможные болезни никак не отражались на его наружности.

Пахло от пассажира янтарем и патокой, пальцы его неустанно поигрывали четками из мелких ониксов, а в петлице вместо гвоздики поблескивал странный значок в виде кувшина на фоне тележного колеса, причем с ручки кувшина свисала на пару сантиметров серебряная цепочка грубого плетения.

– Все четверо вместе до конца, – мрачно кивнул проводник, пряча билеты, поднялся и вышел из купе.

– Надеюсь, это было не пророчество? – неожиданно пошутил четвертый пассажир.

А может, и не пошутил: на его губах не мелькнуло и тени усмешки.

– На ближайшие сутки оно действует совершенно точно, Кристофер, – улыбнулся Дмитрий, убирая портфель. – Прости, не успел до отъезда вас познакомить. Это Еремей

Варнак, мой хороший знакомый. Весьма интересуется сверхпроводимыми аккумуляторами. Очень активно поддерживает мои разработки сверхпроводниковых компенсаторов на АЭС, позволяющих гасить высокоэнергетические скачки нагрузки. Ну, собственно, тех самых, которые мы предполагаем осмотреть.

– Кристофер Истланд, – протянул руку янтарно-паточный пассажир. – Очень приятно. Значит, вы тоже криофизик? Теперь понятно, почему Катя и Дмитрий прятали вашу собаку. Профессиональная солидарность.

– Увы, нет. У меня более узкая специальность, – пожал сухую ладонь Еремей. – Просто я надеюсь найти замену экологически вредным ГАЭС. Надеюсь, из компенсаторов в будущем вырастут достаточно мощные аккумуляторные станции.

– Не уверен, что ради отказа от ГАЭС нужно идти таким сложным путем, – повел плечами Истланд. – Есть пути куда более эффективные и полезные для общества.

– Например, какие?

– Очень простые. Вы ведь наверняка знаете про электро-мобили? Лет пятьдесят назад они были тяжелые и громоздкие и могли проезжать на одной зарядке километров пятьдесят со скоростью около шестидесяти. Но времена меняются, и сегодня электромашины могут намотать за день уже двести сотни километров со скоростью около ста. Двести километров – это уже пробег такси, автобуса или какого-нибудь

разъездного почтового фургона.

– А смысл? – вмешался Дима. – Чтобы машина ехала, нужна энергия. В розетке она тоже не из пустоты возникает. Если заменить бензиновый двигатель на электрический, будет тот же праздник, только в профиль. Все равно придется жечь топливо. Только в другом месте. Понадобятся новые мощности.

– Дмитрий, ты уверен в том, что говоришь? – с ласковой вкрадчивостью переспросил Кристофер Истланд. – У электромобилей есть удивительная особенность. Если они ездят, пока люди работают, то, значит, заряжаться они будут, когда люди спят.

– Ночью! – хлопнул себя ладонью по лбу Варнак. – Электромобили придется заряжать ночью! Ну конечно! Как я сам не догадался! Достаточно в любом городе перевести на электротягу только автобусы и такси, и никакого провала в потреблении энергии по ночам больше не будет. Новые мощности не нужны. Им в батарее пойдет свободная электроэнергия, которую сейчас тупо переводят на перекачку воды. И никакие ГАЭС больше не понадобятся!

– Плюс бонус в виде чистого воздуха. Никаких продуктов сгорания от дизелей и бензина, – добавил Кристофер. – Я знаком со специалистами, которые пытаются внедрить эту сбалансированную систему энергопотребления уже больше двадцати лет. Увы, ни в США, ни в Британии, ни в Германии, ни даже во Франции им не удалось добиться ни малей-

шей поддержки ни от светских ученых, ни от представителей правительства. Совершенно не понимаю почему. Ведь в такой схеме нет ничего, кроме преимуществ!

– Я догадываюсь, в чем причина, – хмуро ответил Варнак. – Все настолько просто, что кое-кто мокрый и вонючий наверняка перекрыл любую возможность внедрения «сухих» технологий на самых дальних подступах. Вот проклятье, эту круговую поруку невозможно сломать! Слишком крепкая стена для одиночки.

– Вы о чем? – заинтересовался Истланд.

– Это все мафия... – В подробности «леший», разумеется, вдаваться не стал.

– Не хотелось бы оскорблять ваших патриотических чувств, Еремей, – покачал головой Истланд, – но в нашей стране важные решения принимают отнюдь не мафиози.

– Это только вы так думаете, Кристофер. Увы, мир одинаков везде, – словно извиняясь, развел руками Варнак. – Просто в отдельных местах реальность лучше залакирована.

– Мсье пессимист?

– Мсье тертый калач, – ответил Варнак.

– Дима, а почему «даже во Франции»? – вдруг спросила девушка.

– Понимаешь, Катя, – взял ее за руку Дмитрий, – у французов основная генерация висит именно на АЭС. А реакторы очень инерционны. Мощностью особо не поманеврируешь. По логике они должны были схватиться за идею элек-

тротранспорта самыми первыми, уже давным-давно. Но как-то не чешутся... Понятно?

– Да, милый, – улыбнулась она. – Мы пойдем завтракать?

– Ой, мне тут с вещами сначала нужно разобраться! – наклонился Еремей и отодвинул сумку чуть в сторону, освобождая место под столом.

Теперь его мохнатой половине можно было вытянуться во весь рост.

– Да, а я пока переоденусь.

Явно по примеру Варнака Кристофер тоже решил не мешать молодоженам побыть вдвоем хотя бы за столиком вагона-ресторана. А может, захотел продолжить разговор про ГАЗС и электромобили, раз уж по интересной теме нашелся подходящий собеседник.

Чем еще заниматься в купе поезда, когда впереди сутки пути и не предвидится никаких развлечений?

Но тут в кармане Еремея задрожал телефон и, пользуясь неудобной позой владельца, шустро пополз на свободу. Варнак еле успел его поймать и нажал кнопку, недовольно буркнув:

– Алло...

– Счастливого пути, Еремей! Отправились вовремя?

– Вы уже в курсе, Сергей Васильевич?

– А ты как думал? Ты же у меня числишься лучшим агентом! Всегда на тонкой грани между медалью и расстрелом. И попутчиков твоих я, разумеется, тоже знаю. У тебя совесть

есть, Варнак?

— Что случилось? — выбрался из-под стола Еремей. — Чес-слово, последний месяц я был настоящим пайнкой.

— Я бы трижды мог поймать тебя на лжи, но звоню по дру-гому поводу, — ответил полковник. — На Ростовскую АЭС вместе с Кудряжиным едет один смутный тип. То ли он иезу-ит, то ли тамплиер, то ли доктор физмат наук. Но в реаль-ности, по нашим сведениям, он банальный охотник за моз-гами и заслан конкретно Дмитрия Кудряжина сманить к се-бе. У них там вербовочная сеть весьма активная и разветв-ленная, мозги воруют только так! Запретить ему встречаться с нашими учеными мы не можем. У него командировка из ЦЕРНа¹, с целью консультации. Совместные проекты, будь они неладны! Да и нет такой уголовной статьи в Кодексе — за сманивание. Посему разогнать их по разным углам мы пол-номочий не имеем. К сожалению. Но раз уж ты все равно там по зову своего коммерческого сердца, то сделай доброе дело и проследи, чтобы они шуры-муры особо не разводили. Если что, вмешивайся конкретно и обещаю любые самые жуткие страсти от бывшего КГБ и кровавой путинской тирании. Ти-па, в мешок живьем посадят и скормят по частям акулам в бассейне имени Сталина. Они там в весь этот бред искренне верят, и гость должен струхнуть. Он все же не боец, а бла-городный интеллигент. Зовут вроде Кристофер Истланд, по-

¹ ЦЕРН — европейская организация по ядерным исследованиям. Две основные площадки ЦЕРНа находятся в Швейцарии и Франции. (Здесь и далее прим. ред.)

хож на маленького Кашея Бессмертного, со злыми глазенками... Чего молчишь? Надеюсь, ты там сейчас не сидишь в купе с ним под руку? Чего мычишь? Ты что, даже в коридор не догадался выйти, когда понял, с кем разговариваешь?

– Я под столом был. Не успел выбраться.

– Ну, Еремей! – зашипел Сергей Васильевич. – Вечно у тебя все через жопу получается! Он хотя бы ничего не слышал?

– Нет.

– И то слава богу. Все, исполняй! – И полковник отключился, не дожидаясь отповеди.

Варнак вздохнул и убрал телефон в карман.

– Жалко, вы не видели себя со стороны, Еремей, – склонил голову набок Истланд. – Вы глянули на меня так, словно, поужинав вкуснейшим ризотто, вдруг узнали, что вместо риса откушали муравьиных личинок. А потом все время старались смотреть в сторону. Что же такого интересного вам вдруг довелось обо мне услышать?

– Добрые люди просили уточнить, из какого вы приходите ордена. Из иезуитов или к тамплиерам относитесь? – не стал отрицать очевидное Варнак.

– Я член ордена Девяти Заповедей, который находится под покровительством пророка Экклезиаста, друг мой, – отрекомендовался Кристофер Истланд, – и ношу на своем одеянии его символ вечной жизни.

– Вы серьезно? – не поверил своим ушам Еремей. – Вы

монах? Вы верите во всю эту чушь? В колдовство, допотопные сказки, в боженьку, небесную твердь и всякую магию?

– Мне кажется, вы что-то перепутали, Еремей, – монах улыбнулся, в его пальцах стали тихонько постукивать четки. – Я христианин. А вы говорите об атеизме.

– При чем тут атеизм?! – повысил голос Варнак, чтобы собеседник лучше его понимал. – Двадцать первый век за окном! Как можно в наше время верить во всякую библейскую чепуху?!

– Вы уверены в том, что говорите? – наоборот, еще тише ответил Истланд. – Мне кажется, у вас в голове так сильно укоренились киношные побасенки, что вы принимаете их за реальность. Поэтому, если вам очень хочется ими со мной поделиться, вы не могли бы сначала выполнить одну мою маленькую просьбу?

– Какую? – насторожился Варнак.

– У меня есть ощущение, что вам просто не удастся открыть мне глаза на свет истины, – улыбнулся монах. – Так вот, чтобы я вас постоянно не поправлял, а вы не выглядели излишне наивным, я вам буквально в трех словах объясню основы христианской веры. Ну, чтобы вы не ссылались на фантастику из желтой прессы, не имеющую под собой никакой основы. Тогда вы сможете сами легко отделять зерна от плевел и беседа получится более конструктивной. Основу основ, и ничего более. Мы ведь никуда не торопимся? – Кристофер красноречиво указал на окно, за которым уже про-

носились одноэтажные дачные домики.

– Ну давайте, – согласился Варнак. – Пригодится для общего развития.

– Очень хорошо, – кивнул Истланд. – Вы наверняка слышали, что наша вера началась с десяти заповедей, дарованных Богом пророку Моисею. Не стану перечислять все, дабы они не смешались в вашей памяти, напомним только первые три, самые главные. Итак, первая: «Нет Бога кроме Бога». Или, другими словами, нет иной силы, кроме Божией. Первая заповедь, Еремей, запрещает христианам верить в существование иных сил, кроме Божьих. Например в колдовство, ворожбу, экстрасенсов, сказочные чудеса и все подобное. Согласно первой заповеди, ведьм не может существовать в принципе, а те, кто в них верит, – это не христиане. Верующие в ведьм тем самым отрицают Бога. Или, проще говоря, являются атеистами.

– Подождите, а как же инквизиция, костры, процессы над ведьмами? – возмутился Еремей.

– Позвольте, я закончу, – попросил монах, глядя на свои четки. – Мы же договорились! Теперь вторая заповедь: «Не сотвори себе кумира». Вторая заповедь запрещает христианам слепую веру во что бы то ни было, излишнее доверие к любым авторитетам или учениям. Христианину должно полагаться на свои знания и убеждения и подвергать сомнению любые утверждения, от кого бы они ни исходили, до тех пор, пока они не подкреплены фактами.

– Даже от вас?

– Даже от меня, – легко согласился Истланд. – И наконец, третья заповедь: «Не призывай Бога всуе». Она запрещает ссылаться на Бога, на его промысел, чудеса или желания в повседневной жизни. Или надеяться на Божью помощь, вместо того чтобы добиваться цели своими силами. В общем, не призывать всуе. Так что, друг мой, попробуйте, говоря о христианской вере, изначально отбрасывать темы, к ней не относящиеся. Договорились?

– Вранье все это! Инквизиция жгла ведьм! Это любой ребенок знает!

– Где, когда? – перещелкнул камушки четок монах.

– А эти, как их... Салемские ведьмы! Про это даже кино снято, и не одно!

– Салем находится в США. Откуда там инквизиция, Еремей? – Истланд опять звонко щелкнул четками. – Вторая заповедь, друг мой! Эту историю вам следовало подвергнуть сомнению, пусть даже о ней знает любой ребенок. Ибо нельзя доверять кумирам. Даже если кумиром является толпа друзей. Если бы вы сверились с энциклопедиями, географией, историей, то легко убедились бы, что за все время своего существования инквизиция ни единой ведьмы так и не сожгла.

– Но ведь они были христианами! Те, кто жег женщин в Салеме.

– Первая заповедь, друг мой: тот, кто верит в ведьм или

чудеса, не может быть христианином. Это абсолютно несовместимые религиозные концепции! Несчастных жгли и пытали обычные необразованные крестьяне. Остановили же это безумие, как вы помните, именно священники! Именно они затретиrowали губернатора требованиями прекратить суды на основании антихристских предположений... – Монах поднялся, нашел свой скромный чемоданчик, открыл, извлек оттуда серебристый нетбук и протянул Варнаку: – Вот, можете проверить сами, Еремей. У меня интернет бесплатный, пользуйтесь. Все же вторая заповедь не рекомендует слепого доверия. Проверяйте и проверяйте!

– Что вы носитесь с этими заповедями как курица с яйцом?! – раздраженно отказался Варнак. – Поповские сказки это все!

– Кому поповские сказки, а кому – основа техногенной цивилизации, – вернулся на место Кристофер Истланд, положив нетбук на стол. – Вы когда-нибудь задумывались, другой, почему именно в пределах христианской цивилизации развивается прогресс и современная наука? Только и исключительно в ней? Так ведь все начинается как раз с этих трех, самых первых, самых основных Божиих заповедей! Возьмем простой пример. Вспомним жизнь видного теолога, вошедшего в десятку лучших богословов Кембриджского Христианского колледжа, Чарльза Дарвина.

– Теолога? – у Варнака тут же вылетели из головы возражения по поводу инквизиции. – Дарвин теолог?

– Разумеется, – спокойно кивнул Истланд. – Разве великий ученый может быть кем-то другим? Теология является альфой и омегой научного мышления! Вы компьютер-то откройте, да проверьте меня через поисковик. Мне ведь слепая вера не нужна. Христианство опирается исключительно на достоверные факты! Вы ищите, а я пока продолжу. Так вот, когда образованный теолог во время путешествия заметил интересные отличия неких островных птиц, он вполне мог списать это на причуды местных духов, но первая заповедь запрещала ему верить в существование иных сил, кроме силы единственного Бога. Он мог сказать: «На все воля Божья», но третья заповедь запрещала ему призывать имя Всевышнего всуе. И потому, оказавшись меж двух запретов, он был вынужден искать замеченному явлению объяснение, которое не ссылалось бы ни на Божью волю, ни на воздействие иных нематериальных сил. И именно так Дарвин нашел объяснение, которое ограничивалось лишь естественным воздействием природы. Или возьмем аббата Менделя. Он тоже обратил внимание на странности при передаче отдельных признаков от растений их потомству. И вынужденный, точно так же, как Дарвин, чтить основные заповеди, аббат стал искать земное объяснение этим странностям, пока и не выяснил базовые законы наследования признаков. Стал «отцом» генетики, проще говоря. А следующим в этой цепочке оказался теолог Тейяр, нашедший синантропа в Китае...

– Стоп! – перебил его Варнак. – Что вы мне впариваете

про христианство Дарвина, если церковь не признает эволюции?

– Вы уверены в том, что говорите, Еремей? – остановил перестук четок монах. – Ну-ка, поинтересуйтесь у гугла, кто каждые три года проводит международные конференции по эволюции? Разве это не римский папа и его Академия наук? Смотрите-смотрите, вам будет интересно. Кроме католической церкви и ордена пророка Экклезиаста, эта тайна Божьего замысла в современном мире не беспокоит больше никого! Я бы даже сказал, что никого, кроме нашего ордена, ибо Ватикан ограничивает свое содействие в основном финансовой помощью, возмещающей часть наших расходов.

– Подождите, Кристофер! – опять перебил его Варнак. – Я много раз слышал, что христиане отвергают учение Дарвина! Хотите сказать, что это все вранье?

– Вы как-то пытаетесь все подряд в общую кучу замешать, – красноречиво покрутил руками в воздухе Истланд. – Никакого учения Дарвина не существует в природе! То, что он открыл, изучается в начальных классах церковной школы под названием «селекция растений и животных». Селекция, и ничего более! Конечно, честь и хвала отцу Чарльзу за то, что он догадался распространить правила научной селекции на естественные процессы, но к эволюции это никакого отношения не имеет! С помощью селекции вы можете превратить шакала в болонку или дога, пантеру – в тигра или сиамскую кошку, но никакими стараниями вы не сможете сделать

из кошки собаку или наоборот. Это разные виды, Еремей! Между ними лежит генетическая пропасть, которая методами селекции непреодолима. Увы и ах, но механизмы видообразования и эволюционных изменений остаются для нас столь же туманны и непостижимы, как и во времена аббата Менделя.

– Хотите сказать, боженька из глины слепил?

– Не богохульствуйте, друг мой! – дружелюбно улыбнулся монах. – Не нарушайте третьей заповеди, не призывайте Бога всуе. Станьте хоть ненадолго истинным христианином, ищите материалистические причины, не связанные ни с чудесами, ни с колдовством, ни с Божьим провидением.

– Мутации! – вспомнил Варнак. – Причиной генетических изменений являются мутации. Удачные изменения закрепляются отбором. Только и всего!

– Мутации, Еремей, это поломки, – снова защелкал чутками член ордена Девяти Заповедей. – Поломки генетического механизма. Сколько должно случиться поломок, чтобы карбюраторный двигатель стал инжекторным? Или поршневым – реактивным? Или двухтактный двигатель стал четырехтактным? А ведь именно такого порядка видовые изменения и происходили при эволюции. Превратить двухкамерное сердце в четырехкамерное – это вам как?

Варнак немного подумал и сказал.

– Человек произошел от обезьяны! А не создан по образу и подобию боженьки. Спорить станете?

– Вы уверены в том, что говорите? – заговорщически ухмыльнулся Истланд.

– Хотите сказать, я ошибаюсь?

– Зачем ошибаться? Достаточно обычной невнимательности, – рассудительно и размеренно ответил монах. – Исследуя генотипы наши и всяких приматов, генетики по наличию так называемых меток, остающихся от перенесенных заболеваний, достаточно точно смогли определить, что вид orangутангов отделился от нас одиннадцать миллионов лет назад, горилл – восемь миллионов лет назад, шимпанзе – шесть или семь миллионов лет тому. Таким образом, согласно имеющимся научным данным, можно однозначно утверждать, что это обезьяны последовательно, вид за видом, произошли от человека, а не наоборот. Надеюсь, такая точка зрения не сильно травмирует ваше эго?

– Прямо не знаю, что и лучше, – хмыкнул Еремей. – Со школьных времен как-то привык считать себя обезьяной без перьев.

– Не все так плохо, сын мой. Судя по генетическим меткам, у нас в предках были мохнокрылы, карликовые броненосцы и даже червяки, – улыбнулся Истланд. – Не понимаю, почему именно мартышки вызывают у людей такой дикий восторг? Вот лично мне лемуры нравятся намного больше. Причем генетически они от нас ничуть не дальше все тех же бабуинов.

– Вы слишком лихо разбираетесь в биологии для профес-

сора физмата!

— Не профессора, а доктора. И не физмата, а физики высоких энергий, — поправил его Истланд. — Но в первую очередь я христианин, три года изучал теологию, и меня не может не волновать тайна Божьего замысла. Вот скажите, неужели вам самому не интересно узнать секрет своего создания?

— Ну, три миллиарда лет эволюции от микроба к обезьяне уже разложены по полочкам! — хмыкнул Варнак. — Разберутся и с последним крохотным промежутком.

— Вы понимаете, о чем вы говорите, друг мой? — откровенно скривился монах. — Дыра неизвестности в шесть миллионов лет! Вы хоть примерно себе представляете, что это такое? Пять миллионов лет назад не существовало, например, ни мамонтов, ни шерстистых носорогов. Вообще! Но эти виды успели появиться из ничего, освоить земные просторы, выиграв конкуренцию на выживание, а потом бесследно сгинуть. Они уступили место гигантским оленям по полторы тонны весом и пещерным медведям, тоже возникшим из ничего полмиллиона лет назад, распространившимся и начисто вымершим еще до нашего появления. Где-то во времена мамонтов возник и столь любимый в Голливуде саблезубый тигр, который вымер этак миллион лет назад, а вместо него явился пещерный лев, который тоже вымер... И все это случилось в пределах того срока, что прошел от нашей последней общей генетической метки с животным миром и до самого рождения человека разумного. Шесть миллионов лет!

За это время мы успели бы дважды превратиться в змей, потом обратно в китов, а потом благополучно выйти на берег и приклеить медвежьи ноги. Китайцы вон всего за пару веков превратили обычных карасей в пучеглазых телескопов, вуалехвостов, толстобрюхих золотых рыбок и вообще незнамо в кого. Всего двести паршивых лет! А вы говорите о шести миллионах.

– Из вас вышел бы хороший профессор, Кристофер, – кивнул Варнак. – С душевностью умеете говорить, с азартом. Я бы вам возразил, но, к сожалению, уже не очень понимаю, что именно вы хотите мне доказать и что я должен найти в интернете на этот раз.

– Простите, – вскинул руки монах. – Кажется, я слишком увлекся. Увы, в наше время трудно встретить человека, которому интересна современная фундаментальная наука.

– Вам, Кристофер, наверное, нужно просто выговориться, – Варнак продолжал шарить среди интернет-справочников. – Может, и правда на преподавательскую работу пойти?

– В ЦЕРНе слишком мало специалистов, владеющих русским языком. А командировки к вам выпадают все чаще и чаще. То у вас ПИК построят, то свой токамак² возводить начнут, то новые компенсаторы для АЭС придумают... Боюсь, с моей загрузкой мне будет не до лекций.

² Токамак – замкнутая магнитная ловушка для создания и удержания высокотемпературной плазмы. ТОКАМАК – одноименный советский проект управляемого ядерного синтеза в реакторе.

– А где вы так хорошо овладели русским языком?

– Эмиграция первой волны, – отвернулся к окну монах. – Бабушка с дедушкой уехали сразу после семнадцатого. Она была уже в положении, побоялись... Ну а дальше сами понимаете... Обратной дороги не получилось. Мама с отцом дома говорили, конечно же, больше на французском, иногда на немецком, но с родителями общались по-русски и меня поощряли. Как видите, оказались очень правы. Мне это сильно помогло и в работе, и с образованием.

– Учились в России?

– Нет, но переводы с русского всегда очень востребованы. К тому же, когда в конце прошлого века многие ваши специалисты согласились работать в наших лабораториях, в большинстве институтов и университетов русский язык оказался не то что вторым, а даже первым языком научных дискуссий! И тут у меня тоже имелась хорошая фора перед коллегами. Я слышал очень многое из того, чего они не понимали или чем с ними не хотели делиться ваши специалисты.

– Теперь делятся?

– Советские тайны уже давно устарели, друг мой, – почему-то грустно улыбнулся Истланд. – А новые стали общими.

– Вы сказали, что родители общались то на немецком, то на французском. Так в какую же из стран эмигрировала ваша семья?

– В Швейцарскую Конфедерацию, товарищ... – засмеялся монах. – У нас четыре государственных языка, и хотя бы на

двух из них сносно говорят практически все. Да еще без английского в наше время трудно. Так что зубрежки на мою долю в детстве выпало изрядно. Французский и русский люблю уже потому, что их учить не пришлось. Я с ними вырос.

– О, наши молодые возвращаются! – повернул голову Варнак, заслышав в коридоре знакомые шаги. – Кажется, смогли разжиться колбасой.

– Почему вы так решили?

– Катя собирается чем-то угостить Вывея. Пирожные он не ест, купить в вагоне-ресторане парное мясо весьма проблематично... – Еремей зашевелился мохнатой частью своей сущности, выбрался из-под стола и сел, преданно глядя на дверь волчьими глазами.

Створка отползла в сторону, впуская парочку, пахнущую копченой колбасой, вином и жареной картошкой. Девушка улыбнулась, присела перед волком, взяв его морду в ладони, легонько потрясла:

– Ты уже ждешь, мой хороший! Ты знаешь, что тебе чего-то принесут!

Варнак отвернулся, но все равно продолжал ощущать ее прикосновения к своим щекам. И уже понимал, что не ошибся: от сложенного вдвое пакета призывно веяло сервелатом. Едко-приторный вкус угощения нравился не только ему, но и волку.

– Как вы не боитесь прикасаться к этому зверюге? – удивился монах. – Он же теленку голову откусит!

– Вы наговариваете на Вывея, Кристофер, – ласково пожурила доктора наук Катя, доставая колбасу. – Он никогда не тронет тех, кто его любит! Он храбрый и умный. Поумнее многих образованных доцентов!

– И на каких науках он специализируется?

– Зоолог, – ответил вместо нее Еремей. – Неужели сразу не заметно? Леди, давайте, пожалуйста, сервелат по одному ломтику. А то он слишком быстро кончается!

Катя послушалась. Для мохнатого попутчика она разорила не меньше трех бутербродов и теперь смогла растянуть для него удовольствие почти на полминуты.

– Да, в зоологии он должен разбираться лучше нас всех, – признал монах. – Кстати, по этому поводу могу рассказать весьма занимательную историю. Еремей, загляните в энциклопедию на страничку с такой хорошо известной фамилией, как Леметр. Бельгийский священник отец Жорж Леметр! Этот замечательный человек получил образование в иезуитском колледже, а потому прекрасно знал физику, астрономию и математику. По тематике теологии и астрономии он продолжил обучение в Лёвенском университете, в двадцать третьем году получил сан аббата, а через два года стал профессором астрофизики и прикладной математики. Точно как вы, Еремей, он заинтересовался изложенной в Библии моделью развития Вселенной и попытался переложить ее на язык математики.

– Все, мой хороший, кончилась колбаска, – погладила Ка-

тя волка по голове.

Вывей вздохнул и отправился обратно под стол. Девушка забралась к окну напротив Варнака, спохватилась:

– Простите, Кристофер! Я не хотела вас перебивать. Очень интересно! И что было дальше с этим молодым человеком, который в тридцать лет получил профессорскую кафедру?

– В тридцать лет он защитил в Гарварде докторскую диссертацию, – поправил монах. – Профессором стал в тридцать один год. Нашему ордену предпочел, увы, орден иезуитов. Так вот, милая леди... Исходя из библейской теории творения, отец Леметр выдвинул предположение, что сие чудо не может быть размазанным по бесконечному пространству и времени. Оно должно было свершиться где-то в одной точке и в единый миг. И если так, то вся существующая Вселенная обязана расширяться в стороны от места, где была когда-то сотворена. Кстати, свою идею он изложил все же в стенах ордена Девяти Заповедей, а не где-то еще, и астрономы немедленно приступили к ее проверке. И что вы думаете? Почти сразу из всех обсерваторий стали поступать данные, подтверждающие это предположение! Именно так отец Леметр смог определить точную дату творения Господом Вселенной: тринадцать миллиардов семьсот пятьдесят миллионов лет назад.

– Бред! Ну ведь полный бред от начала до конца! – вдруг взорвался тихий и скромный Дима Кудряжин. – Вся эта тео-

рия от начала и до конца является бредом, который активно проталкивается Ватиканом, проплачивается иезуитами и за счет Церкви рекламируется в печати и на радио! И все только для того, чтобы пробить в фундаментальную физику постулат о существовании Бога! Теперь этот постулат в науке есть, а сама физика разгромлена в хлам и никакой теоретической базы не имеет!

– Церковь защищает теорию Большого взрыва? – недоверчиво переспросил Варнак.

– Деньги решают все! – сжал кулаки Кудряжин. – У Ватикана казна богатая. Они платят за проталкивание всякой чуши и за разгромные рецензии любых альтернатив. А большего для убийства реальной науки мракобесам и не нужно!

– Милый, – Катя прижала ладонь мужа к столешнице, – я понимаю, что это не женское дело, но мне все же интересно, ради чего ты так азартно размахиваешь руками перед самым лицом профессора Истланда?

– Доктора... – совсем тихо и скромно поправил ее монах.

– Родная, не беспокойся, мы не станем драться. – Дмитрий поднес ее пальцы к губам. – Это обычный научный диспут о взглядах на теории продажные и истинные! Ты просто ни разу не была на собраниях нашей кафедры.

– Раз я все равно не пойму, можешь не объяснять, – смиренно кивнула девушка. – Ведь я даже не зоолог.

– Вы преувеличиваете влияние Ватикана, друг мой, – миролюбиво защелкал четками монах. – Да, разумеется, като-

лическая церковь приложила немало усилий для продвижения в массы именно библейской теории астрофизики. Но не забывайте, что Папский престол – это в первую очередь политическая структура! А уже во вторую – финансовая. Между тем большинство христиан вовсе не политики и не стяжатели, они искренне заинтересованы в познании Божьего замысла. Нас интересует истина, а не то, как ее можно использовать! Возьмем наш орден. Он не очень богат и никогда богатым не будет. Но мы всегда рады предоставить кров и поддержку любому смертному, готовому посвятить себя истинной науке! Дворцов не будет, но хороший дом и некая сумма, которая позволит ученому и его семье вести достойную жизнь, – все это в ордене Экклезиаста гарантировано каждому. Тем более тому, кто способен собрать в стройную обоснованную теорию старые предсказания Вальтера Ритца.

– Кто такой Ритц? – уточнил Варнак.

– Друг и соратник Альберта Эйнштейна, вместе с которым они выпустили ряд работ, – ответил Кудряжин. – Автор достоверной теории строения Вселенной, в которой, в отличие от теории относительности, нет противоречий и которая, в отличие опять же от теории относительности, дала целый ряд предсказаний, впоследствии подтвержденных астрономами. Ритц легко объясняет, а частью предсказывает все те факты, которые катастрофичны для гипотезы Эйнштейна.

– Проработка этой теории станет важнейшим вкладом в понимание Божьего замысла, – согласно кивнул Кристо-

фер. – Эта научная тема настолько интересна, что вложиться в нее...

– Ну-ка, стоп, самаритянин! – вскинулся Еремей, сообразив, что от общих теорий монах плавно и вкрадчиво перешел к прямой вербовке его подопечного. – Это еще что?! У Дмитрия своей серьезной работы хватает! Он нужен на АЭС и в институте. На нем сейчас сразу четыре проекта висят! Их нужно доводить до ума в первую очередь!

– Компенсаторы АЭС – это чисто инженерный прикладной вопрос. Любой инженер справится! А мы говорим о фундаментальной науке. Основе основ, смысле жизни для настоящих ученых, для высоких интеллектуалов.

– Если бы «любой», то по командиров...

И тут, как всегда некстати, в кармане проснулся телефон, мелко пиная его в ногу. Варнак сбросил бы звонок, но на экране высветился номер Зоримиры. Еремей вздохнул, нажал кнопку вызова, поднес к уху.

– Да?

– Немедленно возвращайся! – без предисловий потребовала ведьма. – Ты нужен Укрону!

– Какое «возвращайся», ты что? – Еремей поднялся, дернул дверь, но та, как назло, заела.

– Немедленно прыгай с поезда – и пулей в Москву!

– Совсем с ума сошла? – Спецназовец не сразу сообразил, что замок закрыт, потом повернул задвижку, дернул створку. Та наконец-то поддалась. – Забыла, какой завтра пик на

графике? Дима почти наверняка погибнет! А скорее всего, и прочие его попутчики.

– Сейчас не до пиков!

– Ты вообще думай, Зоренька, что рассказываешь! – «Леший» вышел в коридор, запер купе и пошагал в сторону. – Речь о живых людях идет! Сделаю свое дело и вернусь. Что случилось-то?

– Кошмар с ним случился, Варнак! – повысила голос гадалка. – О раскрытии печатей вещает, грехах и бедах и о каре своей позорной. Я не понимаю его, Рома! Он чего-то хочет, требует, но не говорит! Приезжай, может, хоть ты разберешься. Хотя бы просто побудь рядом с этим чудищем! Успокой его!

– Да... – Волчьими ушами Варнак услышал, как Истланд заговорил с Кудряжиным о важности науки и о том, что орден готов хорошо оплатить труд по развитию теории Ритца, волчьей же мордой двинулся вперед и предупреждающе зарычал.

Монах чуть не подпрыгнул, с изумлением уставившись на зверя:

– Ты что, меня понимаешь?

– Еще как! Они с Еремеем точно одно целое, – ответила Катя. – Иногда кажется, что Вывей все его мысли и желания на расстоянии угадывает! А вы что, в самом деле можете купить нам домик в Швейцарии?

– Будем только рады! – ответил вербовщик. – Жизнь там

намного дешевле и спокойнее, нежели в Москве, а мы заинтересованы, чтобы хороший теоретик пребывал в комфорте. Он не должен думать о деньгах или трубах. Он должен заниматься своим делом. Наукой!

– Прости, мне пора... – Варнак повернулся и побежал назад в купе. – Потом перезвоню.

Он дернул дверь, просунул голову внутрь.

– Мсье Истланд, выйдите на минуточку... Пожалуйста.

– Да, иду, – поднялся монах.

Варнак поймал его за ворот, оттащил в сторонку:

– Что вы себе позволяете, церковное преосвященство! Вас принимают как гостя, со всей душой, а вы нагло пытаетесь красть специалистов!

– Почему красть? Кому он тут нужен? – растерялся перед таким напором монах. – Господин Кудряжин пытался опубликовать свои формулы раз пять или шесть, но ему неизменно отказывали. Любые работы, не то что опровергающие теорию относительности, а просто не связанные с ней, в научных журналах находятся под запретом. Орден Девяти Заповедей – это единственная организация, которая готова всерьез оценить труды Дмитрия и провести опыты по их проверке. Когда они получат экспериментальное обоснование, ваш друг обретет достойное научное звание и известность, а наука совершит серьезный скачок вперед...

– Так, дружище! – повысил голос Варнак. – Комиссарские лекции заканчиваем, у меня к ним иммунитет. Это мой спе-

циалист, у него есть своя работа! И если кто-то протянет к нему свои грязные лапы...

– Это не его уровень! Неужели вы не понимаете?! – вскинул четки Истланд. – Кудряжин чуть ли не единственный физик в мире, который хорошо разбирается в выкладках Ритца! Большинство про баллистическую теорию не знают вообще ничего! Вы хоть понимаете, что у вас здесь штучный специалист мирового уровня паяет разводку цепей на электростанции?! Это все равно, что микроскопом гвозди забивать!

– Это мой гвоздь, монах, и мой микроскоп! Могу и по пальцам попасть. Я понятно выражаюсь, мсье Истланд?

– Подождите... – прикусил губу священнослужитель. – Вы говорили, что занимаетесь сглаживанием суточных пиков в энергоснабжении. Давайте договоримся: орден Экклезиаста подготовит для вас качественное технико-экономическое обоснование перевода любого города России на аккумуляторный общественный транспорт, а вы взамен дадите Дмитрию Кудряжину возможность вместо этого тупого ремесла заниматься теорией Ритца. Орден принимает в свои ряды только самых достойных и грамотных специалистов! Обоснование будет безупречным, хоть на президентскую премию выдвигайте.

– Вы даже не представляете, Истланд, – вздохнул Варнак, – сколько людей и не совсем людей мне придется убить, чтобы в правительстве приняли эту программу. Я не могу рисковать!

– Вы шутите?

– Ничуть.

– Однако у вас суровая научная школа, господин Варнак.

– Именно!

– Но вы же не сможете посадить Дмитрия на цепь! Он не ваш раб! И он перспективный ученый!

– Мсье... – Варнак ласково и многозначительно погладил монаха ладонью по груди, подбирая слова, коснулся пальцем значка на лацкане, дернул за цепочку, что свисала с кувшина на колесе.

– Хорошо, я понял, – кивнул Кристофер. – Больше я не буду заводить с Дмитрием разговоров о переходе в орден. Но не из страха! Я хочу, чтобы вы поняли: мы не враги. Мы ищем истину. Таков наш долг перед нашим Господом и нашей верой! Если мы станем помогать друг другу, а не мешать, легче окажется всем. Не нужно делать так, чтобы все от вас убегали! Если ваш друг вернется, обретя новое знание, вы станете только сильнее. Он ведь будет не только отдавать, но и приобретать. А сбежавшие не возвращаются.

– Ага, как благородно! Ты посеял ему в сердце червя сомнения и теперь будешь дожидаться всходов? Зря стараешься! У нас живое дело, у вас мертвые кельи. Захочет заняться теорией? Так ведь для разума цепей нет! Коли Дима пожелает, он с легкостью проработает теорию и здесь! Уезжать для этого в Швейцарию вовсе не обязательно. Поэтому давайте будем взаимно вежливы. Компренде?

– Хорошо-хорошо. Я все понял, вопрос закрыт! – Монах развернулся и ушел по вагону прочь.

Варнак с минуту смотрел ему вслед. Потом пожал плечами и вернулся в купе.

– А где наш друг? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Ушел. Ничего не сказал, – развел руками Еремей.

– Ты уверен? Мне показалось, между вами возникло некое напряжение...

– На нем нет ни единой царапины! – клятвенно уверил человековолк. – К тому же Вывей оставался с вами.

Поезд притормозил на каком-то полустанке, минуты три отстоял, затем тронулся дальше.

Еще через минуту дверь отъехала в сторону:

– Тада-да-дам!!! – Кристофер Истланд выставил на стол пластиковое ведерко с вареными раками и упаковку пива.

– Эта поездка становится все интереснее и интереснее! – встрепенулась Катя. – Никогда в жизни не пробовала раков. Но всегда хотелось.

– Клянусь, это самая лучшая еда для дальнего пути! – уверил монах. – Можно очень медленно, без спешки разбирать и высасывать каждую лапку. Во время обычного обеда такого себе не позволишь. Правда, холодные. Не обессудьте... Еремей, откроете?

Варнак удивленно вскинул брови. Он не очень понял, почему Кристофер обратился именно к нему?

– Мы же друзья? – ответил вопросом на безмолвный вопрос монах. – Вы же не откажетесь помочь другу?

– Да, мы друзья, – мрачно согласился Еремей. – И мы хорошо понимаем друг друга...

– Мы поняли друг друга, – покладисто согласился вербовщик.

Варнак был уверен, что монах врет! Просто пытается загасить конфликт и остаться в контакте с намеченной жертвой. Но не выкидывать же его в окно! Все же коллега подзащитного и официальный представитель ЦЕРНа.

Поэтому Еремей подцепил ногтем крышку, легко ее содрал, выбрал одного из раков, опустил под стол:

– Вы не обидитесь, друг мой, если я не буду пить пива? Ничего личного. Просто я не переносу алкоголя.

– И я тоже... – вскинулась Катя. – Не хочу растолстеть.

– Кажется, нам придется решать эту проблему вдвоем, мсье Кудряжин, – открыл одну из бутылок монах. – За Вальтера Ритца! Живой символ того, как радикально влияет талантливая личность на развитие человечества. Если бы он не умер молодым, вся наша наука, технологии, наша жизнь были бы совершенно другими!

Иными словами, вербовщик продолжал гнуть свою линию. Хотя уже и не так откровенно.

Но пока Варнак думал, как его аккуратно осадить, хмель добрался сначала до языков мужчин, а затем и до их мозгов, задолго до вечера качественно выведя обоих из строя...

Толком проснуться они сумели только к часу прибытия поезда в Ростов.

На жарком полуденном перроне гостей ждал сюрприз: щедушный безусый паренек с картонным плакатом, на котором были выписаны фамилии Димы и Кристофера.

– Вообще-то, нас четверо, – подошел к нему Кудряжин. – Даже пятеро. Этот пес без ошейника и намордника тоже в командировке.

– Меня предупредили. – Паренек сломал плакат и сунул его под мышку. – Николай Альбертович сказал. Отсюда к Волгодонску рельсовый автобус только завтра в половину седьмого утра отправляется. С третьего перрона. Чего вам всю ночь маяться? А на машине за три часа доедем.

– На машине? – оглянулся на сотоварищей Дмитрий. – Тогда и вовсе хорошо! Вот только не помешало бы сначала немного перекусить.

– Да, – поторопился кивнуть парень. – Мне и на это расходные деньги выделили. На всех.

– А что за рельсовый автобус, который от перрона отъезжает? – заинтересовался Варнак, впервые услышавший такое выражение.

– Ну, это типа маленькой электрички у нас бегают. Два вагона, один мотор. Все хорошо, только расписание неудобное. Давайте я вещи возьму.

– Иди дорогу показывай, – отмахнулся Дима. – Сами донесем.

На площади перед вокзалом выяснилось, что за ними прислали «Волгу». Причем не просто «Волгу», а черную! Мечта всех чиновников советского разлива привела путников в ужас – в летнем Ростове-на-Дону и так-то дышать было нечем, а уж внутри оставленной на солнце темной машины впору пироги запекать, а не по улицам передвигаться!

– Сейчас поедem, в салоне все быстро проветрится, – виновато развел руками паренек, из чего стало ясно, что кондиционера у него тоже нет.

– Ладно. В любом случае лучше плохо ехать, чем хорошо идти, – ответил за всех гостей Варнак.

Уложив вещи в багажник и спешно опустив стекла, пассажиры забрались в салон. Молодые, разумеется, назад, чтобы быть вместе. Кристофер сел рядом с ними, а Еремей с Вывеem устроились впереди: человек на сиденье, волк внизу, положив ему голову на колени. Иначе он просто не помещался. Машина затряслась, пару раз фыркнула и заурчала.

«Подтраивает», – вспомнил Варнак подзабытый, благодаря «Паджеро», термин и спросил:

– Карбюраторная?

– Крепкая еще! Всех нас переживет... – Паренек сдал назад, вырулил с площади, повернул на четырехполосный проспект. – В конце Садовой есть хороший уютный ресторан. С кондиционером. Там пообедаете, а ужинать уже на станции будем.

«Волга» шла ровно и ходко, слабо покачиваясь. И это на

гладкой дороге. Похоже, амортизаторы тоже были не ах. Но Еремей промолчал, удивляясь неприятно знакомому запаху. Очень слабому, но гнусно-вкрадчивому, с примесью миндаля и жженого чеснока...

Запаху недавно переплавленного старого тротила!

– Что за черт?

Спецназовец закрутился и быстро понял, что пахнет не от машины. Пахнет из окна. А поскольку аромат слабее не становился, это означало, что от его источника они не удаляются. Получается...

– Вот проклятье! Ну-ка, парень, вдави!

Впрочем, водитель и так притопил и мчался, обходя одну машину за другой. Три иномарки, «зубило», потрепанный «Форд», белая «шестерка», из-за жары тоже несущаяся со всеми открытыми окнами. И еще до того как Еремей увидел небритое лицо ее владельца и расширенные зрачки, он уже ощутил сочащийся из ее салона миндально-чесночный аромат.

– Быстро стой! – рывкнул он в самое ухо водиле, хватаясь за руль, чтобы тот не запетлял и, не дожидаясь ответа, рванул рычаг стояночного тормоза, ударил по кнопкам ремней безопасности. – Стоять!!! Все вон из салона!

Задние колеса пошли юзом, выворачивая «Волгу» прямо на двойную сплошную, сзади тоже завизжали тормоза. Варнак выскочил из машины, быстро перекатился через капот, распахнул водительскую дверцу, выкинул не успевшего ни-

чего понять паренька на дорогу и еще раз рывкнул:

– Все вон!!!

Дима и Катя, уже неплохо его знавшие, быстро послушались, а вот гость из ЦЕРНа, крутя головой, только бормотал:

– Et ce qui s'est passé? Qu'est-ce?³

Однако объясняться с ним у Еремея не было времени. Варнак дал полный газ, втыкая передачи без перегазовки; не глядя на светофоры, промчался через перекресток, быстро нагоняя «шестерку».

Та уже почуяла неладное, тоже начала разгоняться, но против «Волги» – хоть карбюраторной, хоть инжекторной – ее силенок не хватило.

За вторым перекрестком Варнак нагнал урода, обошел слева через сплошную и решительно подрезал, не пугая, а со скрежетом прижимая его морду к тротуару задней дверцей. Притиснул к бордюру, поставил нейтраль и выпрыгнул наружу.

Пользуясь заминкой, «шестерочник» попытался сдать назад, но Вывей, выскочив через окно машины, вторым прыжком нырнул в водительское окно к бандиту и, промахнувшись клыками по горлу, просто вцепился в лицо.

Подрывник захрипел, стуча по мясистому загривку тощими человеческими кулачками, но сделать ничего не мог.

Когда Еремей подбежал, волк отпрыгнул, позволив своей двуногой части распахнуть дверь, снова скакнул вперед, за

³ Что случилось? В чем дело? (фр.)

плечо выволакивая подонка наружу.

Варнаку было не до бандита. По прежнему опыту он знал, что смертников никогда не посылают в одиночку. Где-то рядом есть подельник, который, увидев, что планы пошли наперекосяк, машину попытается взорвать. И значит – у него остаются считанные секунды, чтобы убрать мину на колесах подальше от прохожих, от стоящих за тротуаром домов, от прочего транспорта на улице.

Хорошо хоть, от случившегося зрелища и встречные, и попутные машины остановились – дорога стала свободной.

Варнак прыгнул за руль, дал полный газ, пролетев на скорости за сотню примерно полтора квартала, увидел слева тенистый полупустой парк, как назло защищенный низкой, по колено, металлической решеткой и вдвое более высоким гранитным парапетом за тротуаром. Однако еще через мгновение он заметил в гранитной стене широкий разрыв, перекрытый всего лишь двумя низкими ступеньками, круто повернул к нему.

Отчаянно завизжала резина, вынудив остановиться всех вокруг, разогнавшаяся машина легко снесла два пролета решетки, с грохотом запрыгнула на ступеньки и вылетела на песчаную дорожку. Еремей со всей силы вдавил звуковой сигнал и отвернул с аллеи на газон, петляя между деревьями.

К счастью, культурные ростовчане зеленые насаждения берегли и по траве не ходили. Тормознув метрах в пятидесяти от аллеи, Еремей выскочил из салона, кинулся бежать,

но не успел сделать и десятка шагов, как что-то бумкнуло...

И он в полной мере ощутил в пасти неожиданно сочный, солоноватый вкус густой парной крови!

Кроме бесчувственного тела смертника, окровавленного асфальта, черной «Волги» и стоящих поодаль прохожих, Варнак не видел больше ничего. И понял, что у него опять осталось всего лишь одно-единственное тело... Которое после случившегося стоит очень поберечь. А то ведь пристрелят, не разобравшись, как собаку-людоеда, и имени не спросят!

Волк бросил бандита, сорвался с места на бег, промчался меж расступившихся людей, нырнул в подворотню и стремительно исчез во дворе длинной красной двухэтажки.

Глава 2

Власть нуара

Это был сон. Разумеется, это был сон! Сон, всего лишь сон. Бояться нечего! Она проснется – и все окажется хорошо. Дамира увидит утро, разбудит остальных участников экспедиции, отправит работать. Они откроют могильник и не найдут там ничего интересного. Просто черепки, серебряные украшения и кости. И больше ничего. Что еще может обнаружиться в тысячелетнем могильнике?

Это сон, сон! Просто сон! Не может человек подняться живым и здоровым из саркофага возрастом в сорок тысяч лет. Даже если он вампир!

Или он еще и вампир?!

Это сон, сон! Такое возможно увидеть только во сне! Она проснется – и все будет хорошо. Все будет как всегда. Студенты будут лапать девочек и пилить дрова, Сергей Олегович будет бурчать над окрестными петроглифами, а девушки будут отмывать гранит влажными щетками.

А потом они вскроют захоронение...

Дамира себя почти уговорила! Почти убедила в нереальности происходящего. Ведь в реальности ничего подобного случиться не могло. Вот только, несмотря ни на что, страшно ей все же было совершенно как наяву.

Хотя археологиня и пыталась хоть как-то удержать себя в руках...

– Показывай, где еда, смертная! – распорядился восставший из мертвых.

Женщина вздрогнула, поежилась, вышла из могильника, указала пальцем вниз.

– Все там, в лагере...

Оказавшись на солнце, Дамира сразу поняла, что ни одной студентки нигде не видно и не слышно. Это ее немного успокоило: девушки догадались спрятаться и пересидеть опасность в лесу. Значит, хотя бы за них можно пока не волноваться.

– Вода? – вышедший вслед за ней мужчина повернул голову на шум реки, стелющейся по крупным камням, спустился к Акчиму, вошел в него по колено и, присев, стал с видимым удовольствием отмывать от многовековой пыли и грязи.

Или тысячелетней пыли и грязи?

У Дамиры появилось острое желание сбежать, пока мертвец ее не видит, но она вспомнила, что находится во сне, и подавила этот малодушный позыв.

Ученая даже подошла к незнакомцу ближе, гордясь способностью своего разума справляться с бессмысленными иррациональными страхами.

Мертвецы не оживают! А значит – бояться нечего.

И под напором железной воли и холодного рассудка ужас Дамиры действительно начал съезживаться и отступать.

– Кто ты и как оказался в могиле? – спросила она, пытаясь говорить спокойным, безразличным голосом.

– Я нуар клана Ари, страж усыпальницы! – ответил мужчина.

Вода унесла серую пыль вместе с лохмотьями, и теперь мертвец выглядел куда естественнее: короткие, в палец, темные волосы, чуть смуглая гладкая кожа, покрытая слабым светлым пушком, могучие рельефные мышцы поверх костяка, который Дамира отнесла бы к неандертальскому типу, не будь нуар выше ее почти на две головы.

И лицо канонического мультяшного супермена с густыми бровями, выдающимся вперед подбородком и большими голубыми глазами!

Портило фигуру только множество крупных кровавых ран, на поверхности которых успела запечься коричневая корочка. Студенты покорежили незнакомца весьма жестоко. Если бы это происходило не во сне, он был бы убит раз восемь, никак не меньше! А то и десять.

Ох, мальчишки, мальчишки, что же вы натворили! Что она теперь скажет их родителям?

– Кто такой нуар? – пытаясь отвлечься от мыслей, неприятных даже для сна, спросила археологиня.

– Страж богов! – сурово ответил мужчина и, болезненно морщась, осторожно потрогал раны. – Я вижу, смертные научились быть опасными. У них оказалось страшное оружие. Такое могло убить даже меня. Где еда, женщина?

– Зови меня Дамирой, нуар, – вздохнула ученая. – Твои «смертная» и «женщина» режут слух.

– С какой стати я должен запоминать твое имя, смертная?

– Ты хочешь есть?

– Я нуар, ты обязана исполнять мою волю!

– Вот сейчас проснусь, – предупредила она, – и ты навсегда исчезнешь голодным.

– Проснешься? – недоверчиво переспросил нуар.

– В любой момент! – вскинула она подбородок.

– Ты проснешься и я исчезну?

– А ты как думал!

Чуть вздернув подбородок, мужчина несколько мгновений размышлял, потом улыбнулся:

– Да будет так, смертная! Тебя зовут Дамира, и я стану называть тебя по имени. Теперь покажешь, где находится еда?

Руководительница экспедиции провела нуара в поставленный совсем рядом с местом раскопок лагерь, сняла одеяло с котла, в котором запаривалась к обеду греча с тушенкой, подняла крышку:

– Такое блюдо ожившие трупы употребляют?

– Не называй меня трупом. Я могу прогневаться.

Восставший из мертвых обломил ветку с ближней осины, задрал оставшийся кончик пальцами, чуть выждал, потом обломил немного дальше и присел у котла. Зачерпнул рассыпчатую кашу ложкой, взял в рот, чуть помедлил, одобритительно кивнул: «Вкусно» – и принялся быстро опорожнять

котел.

Откуда у него в руках появился вытянутый деревянный черпак, Дамира так и не поняла.

Хотя это ведь сон? Во сне случаются вещи и более странные.

Она присела перед котлом, на расстоянии осматривая многочисленные раны, с поверхности которых уже отслаивалась кровавая корка. Потом обошла незнакомца и осмотрела куда более обширные разрывы плоти, оставленные прошедшей навывлет медвежьей картечью.

Судя по всему, внутри этого крепкого тренированного тела не должно было уцелеть ни единого органа! Ни сердца, ни печени, ни легких, ни селезенки. Ни желудка, который сейчас стремительно наполнялся гречей.

– Почему ты до сих пор жив? – не удержалась от вопроса Дамира, снова встав перед ним.

– Я нуар, – ответил мужчина, не прекращая трапезы. – Мы должны сражаться за своего бога, а не умирать, оставляя его в опасности. Я превосхожу простых смертных во всем. Меня трудно убить, пусть даже подвластным тебе смертным это почти удалось. Впредь стану внимательней.

– Какого такого бога?

– Вы не знаете своих богов?! – на сей раз на лице ожившего мертвеца отразилось истинное изумление. – В вашем мире их нет? Неужели они все же погибли? Погибли все? Все до единого?

– Я не могу ответить, не зная, о ком ты говоришь... чудовище... Как мне тебя называть?

– Называй меня «господин».

– Я тебе этот котел сейчас на голову надену! – Дамиру захлестнул самый настоящий, неподдельный гнев. – Кто ты такой, тварь полусгнившая, чтобы я называла тебя господином?!

– Ты как разговариваешь с нуаром, смертная?! – вскочил мертвец. – Тебя давно следовало казнить за непомерную наглость! Я поведаю обо всем твоему хозяину! Если бы здесь были другие рабы, способные показать дорогу, ты уже давно была бы мертва!

Его меч с веселым посвистом прорезал воздух и уперся в ее горло.

Дамира ощутила легкий холодок ужаса, настолько реальным показалось прикосновение к шее острого деревянного клинка.

Именно деревянного! Ибо она ясно разглядела прожилки древесных волокон на покрытом морилкой лезвии.

Каких только неожиданностей не преподносит во сне человеческий разум!

Это было невероятное, непостижимое ощущение: стоять перед обнаженным двухметровым атлетом, готовым в любой миг рассечь тебя клинком, и одновременно понимать, что в реальности тебе абсолютно ничего не угрожает.

Дамира даже снисходительно улыбнулась:

– Оглянись вокруг, живой труп! Здесь нет никого, кроме тебя и меня! Так что привыкай к вежливости. Хочешь что-то узнать: выполняй мои условия!

– Я нуар! А ты смертная! Ты женщина! Ты рабыня! Склони свою голову немедленно, или я срублю ее!

– Ах, как же мне стало страшно, живой труп! – презрительно рассмеялась Дамира. – Вот мое условие: дай клятву, что больше никогда не станешь угрожать мне, не причинишь никакого вреда и... и...

Сказки подсказывали, что желаний должно быть три, но в голову, как назло, сходу ничего не пришло, и потому она выпалила:

– И будешь петь колыбельную каждый вечер!

– Каждый вечер... что? – Клинок перестал давить на горло.

– Колыбельную! – Лицо археологини расплылось в улыбке. – С детства обожаю, когда меня убаюкивают!

– Твоя наглость беспредельна, смертная рабыня! Ты не имеешь права существовать. Умри! – клинок взметнулся вверх, и Дамира закрыла глаза.

Пришла пора просыпаться!

Просыпаться!

Просыпаться!

Однако пробуждения почему-то не случилось.

Равно как и удара по горлу...

«Смертная рабыня» приоткрыла один глаз.

Нуар играл мечом, глядя на нее сверху вниз и глубоко дыша. Струпья с его тела опали, открывая тонкую розовую кожу, которой успели затянуться раны.

Если внутренние органы тела регенерировались с такой же скоростью, то убить этого мертвеца действительно было не так-то просто! Того времени, которого обычному тяжело раненому хватило бы только на предсмертные муки, восстановившему из могилы оказалось достаточно, чтобы полностью выздороветь!

– Это и есть ваше селение, смертная? – спросил он.

– Ты даешь клятву? – открыла она второй глаз.

– Ты понимаешь, что заслуживаешь казни, женщина?

– Ты должен звать меня Дамирой! – напомнила археолог, полностью открыла глаза и распрямилась. – Или ты забыл? И давай договоримся сразу: или поклянись, или убей! Мне не нравится, когда какой-то труп постоянно пугает меня глупыми страшилками!

– Не называй меня трупом! – Меч плашмя ударил ее по плечу. Ударил очень больно. Дамира даже удивилась, что не проснулась.

– А как мне тебя называть? Ты же не представился!

– Ты должна звать меня господином! – Лезвие опять нажало на горло.

– Тогда убивай, и покончим с этим!

– В тебе слишком много гордости для простой смертной. Пусть и старшей над другими, – опустил оружие нуар. – Мое

имя Шеньшун, и я готов дать тебе клятву безопасности, если ты в ответ поклянешься всегда отвечать на любые мои вопросы.

– А ты на мои! – торопливо парировала она.

– Выбери что-нибудь одно, несчастная, – покачал головой восставший. – Или жизнь, или любопытство.

– Ты обещал называть меня по имени!

– Мы еще не произнесли клятвы. – Нуар растянул губы в зловещей ухмылке. – Ты хочешь защиты от смерти и пыток или ответов на любой вопрос?

– Вот черт! – забеспокоилась Дамира и даже зажевала губу, пытаясь найти спасение из «вилки».

Ей буквально до смерти хотелось получить ответы на целое море вопросов к загадочному странному существу! Но какой смысл в ответах после смерти?

Молодая археологиня ощутила внезапный азарт, желание справиться с неожиданной загадкой. Проснуться или потерять сознание ей, как в первые минуты кошмара, уже не хотелось. Хотелось победить!

– Раз! – Клинок описал полный круг. – До которого числа ты умеешь считать, смертная?

– До ста тысяч!

– Это слишком много. Два...

– Жизнь! Я выбираю жизнь и безопасность... И песенку на ночь, – она все-таки не удержалась от небольшого ехидства.

– Быть по сему! Я, Шеньшун, страж клана арийцев, клянусь не причинять тебе боли или иного вреда, пока ты честно отвечаешь на все мои вопросы! – Он поцеловал свой меч и ожидающе посмотрел на женщину.

– Я, Дамира Маратовна Иманова, научный сотрудник кафедры археологии Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, клянусь отвечать на любые твои вопросы, пока ты не причиняешь мне боли или иного вреда! – Ученая достала из кармана тонкий маркер, которым делала заметки вместо шариковой ручки, и поцеловала его не менее торжественно, нежели восставший свой клинок.

– Что это? – немедленно спросил страж усыпальницы.

– Это устройство, позволяющее делать метки на чем угодно... – Дамира протянула руку, сделала две черточки сначала на осиновом листе, потом на коре дерева. – Им можно писать.

– Из чего выдолблен этот котел? – указал Шеньшун на казан, в котором осталось от силы половина обеда всей экспедиции.

– Ты что, никогда не видел железа? – не поверила своим ушам научный сотрудник.

– Ты должна отвечать на вопросы, а не задавать их, – напомнил нуар. – Иначе моя клятва потеряет силу.

– Он не выдолблен, а отлит! Из чугуна. А чугун добывают при переплавке специальной руды, такой горной породы. Подобный ответ тебя устроит?

– Да. Это селение есть место жизни вашего племени?

– Нет, мы здесь работаем.

– Где обитает большинство смертных из вашего племени?

– В городах. Это очень далеко отсюда.

– Вы добираетесь по рекам? – оживший мертвец кивнул в сторону близкого Акчима.

– Нет, по дорогам. На машинах. Они тоже сделаны из железа. Вон видишь крытая повозка стоит? – кивнула женщина на «Маверик» Сомова. – Вот на таких!

– Всегда отвечай так, и наша клятва останется нерушимой, – похвалил ее нуар. – Теперь, Дамира, проводи меня в город. Хочу увидеть главное стойбище твоего племени.

Разумеется, в ответ на это требование можно было поупрямиться, но руководительница экспедиции решила, что чем дальше и быстрее увезет она странное существо, тем безопаснее будет для девушек, которые прячутся где-то поблизости.

Сон не сон, но вести себя она намеревалась разумно.

Хотя желание что-нибудь учудить, пользуясь свободой и безнаказанностью сновидения, у нее все же иногда появлялось.

Обычно, проваливаясь глубоко в объятия Морфея, она ощущала сны как настоящую реальность и вела себя соответственно. Догадаться, что ты спишь и все вокруг на самом деле мираж... Такое с ней случилось впервые.

– Хорошо, я отвезу. Одну минуту! – Дамира заглянула к

себе в палатку и забрала портфель с документами и отчетами. На всякий случай, чтобы не потерялись. Забрала, разумеется, и телефон. Куда без него? Вышла, посмотрела на могучего Геракла, ожидавшего с деревянным мечом в руке свою спутницу, покачала головой: – Ты подумай, даже комары на него не садятся! Чистый каррарский мрамор! Знаешь, Шеньшун... Ты, понятное дело, красавчик... Но давай мы тебя все-таки оденем. Чтобы не сильно выделяться. Доценту Салохину ростом до тебя, конечно, далеко, но фигура у него широкая, футболки и штаны должны налезть.

Треники и футболка толстенького доцента и правда оказались восставшему мертвецу впору. Если не считать, что штанины едва закрывали колени, больше напоминая спортивные шорты, а футболка сидела так, словно вот-вот собиралась лопнуть, но никак не могла выбрать подходящего момента.

Сон становился все более и более забавным!

Дамира хмыкнула, открыла машину, нашарила в бардачке ключи, завела двигатель. Она уже почти совсем успокоилась, наблюдая за происходящей чертовщиной как бы со стороны, и теперь ей было даже любопытно, что же случится дальше.

Могучий нуар забрался в «Маверик» с правой стороны, и даже в просторном салоне джипа стало как бы душно.

– Она двигается сама? – закрутил головой Шеньшун. – Как?

– Заводим, – повернула ключ Дамира, – выжимаем сцеп-

ление, включаем первую передачу, потом вторую, потом...

На этом, собственно, объяснение и закончилось. Узкая и извилистая дорожка, накатанная к лагерю археологов от лесовозного тракта, особо разгоняться не позволяла, а сам тракт выглядел еще хуже. Разбитая еще по весне огромными колесами тягачей, сырая дорога больше всего походила на штормовое море. И хотя мелкие уступы «Уралы» и КамАЗы успели сгладить, крупные бугры и ямы остались на своих местах до следующей распутицы. Разогнаться тут до скорости больше десяти-пятнадцати километров в час было невозможно, и потому тридцать верст пути до ближайшей деревни превращались в бесконечную муку.

После долгой утомительной тишины Дамира включила приемник, уже настроенный на местные станции. В салон полилась музыка. Нуар явно заинтересовался, смотря то на странное для него устройство, то на динамики на дверцах. Дамира подождала-подождала... и не выдержала:

– Ну и как, не хочешь спросить, что это такое?

– Приспособление для услаждения слуха, – невозмутимо ответил восставший из мертвых. – В мое время ничего похожего не было. Но красиво петь и играть на мешонре многие смертные умели. Хотя певчие птицы поют намного чище.

– А когда было твое время?

– Ты должна отвечать на вопросы, а не задавать их, смертная по имени Дамира, – ответил он. – Таков был уговор.

Женщина промолчала. Она была занята преодолением

очередной глиняной волны, вытянувшейся наискосок от края и до края дороги. Сесть в здешней глухомани на брюхо ей совсем не улыбалось. Пусть даже не по-настоящему.

За первым гребнем последовал второй, третий, а потом – просто ухабы. Дамира перевела дух и спросила:

– Ты что-то сказал?

– Проехать верхом было бы проще, – усмехнулся воскресший.

Дамира обиделась и представила себе, как струсит существо из прошлого, когда она разгонится на шоссе километров до ста пятидесяти! Такое его точно должно будет напугать – дикаря из подземелья. Она даже улыбнулась, предвкушая, как тот, округлив от ужаса глаза, вцепится в дверную ручку и заскребет пальцами по пластику торпеды, и чуточку прибавила газу... чтобы тут же снова сбросить скорость. «Маверик» начал скакать, а не раскачиваться на ухабах, и его подвеску стоило поберечь.

Километр медленно проползал за километром, время растягивалось упругой резиной – и глава экспедиции вдруг ощутила потребность вовсе не духовную и интеллектуальную, а самую что ни на есть приземленную и физиологическую. Ведь с начала вскрытия могильника миновал уже не один час! И отвлекаться на пустяки времени у нее не было.

А против физиологии, как известно, не помогают даже самые чудесные грезы.

Еще несколько километров Дамира мужественно терпе-

ла, не желая покидать столь захватывающего сновидения, но вскоре поняла, что придется смириться. Как всегда – в самый интересный момент.

Она заерзала и попыталась открыть глаза. Однако тело и рассудок не подчинились, продолжая удерживать ее внутри дремоты. Дамира дернулась сильнее, остановилась, вышла из машины, сделала несколько резких движений.

Сон не отпускал.

– Вот проклятье... А-а-а-а!!! – закричала она изо всех сил, пытаясь пробиться в реальность из захвативших разум галлюцинаций, и снова безуспешно.

Дамира поймала на себе насмешливый взгляд мертвеца и, не в силах больше терпеть, отбежала от дороги и присела за густыми зарослями можжевельника, с ужасом представляя, что сейчас случится со спальным мешком и как она при пробуждении будет смотреть в глаза студентам после обрушившегося позора.

Однако ничего не произошло. Она не проснулась, она не ощутила никаких неудобств. Мир вокруг остался прежним: светлым и теплым, наполненным жужжанием шмелей и писком комаров, далекой перекличкой кукушек, запахом смолы и трав. Солнце припекало руки, знойный ветерок шевелил волосы. Мир оставался прежним: ярким, насыщенным, шумным и ароматным.

Реальным...

Начиная осознавать, что это вовсе не сон, Дамира почув-

ствовала, как ее снова охватывает волна смертного ужаса.

Археологиня кинулась бежать, бежать со всех ног, бежать, бежать, бежать, пока сильные руки не подхватили ее и не вскинули ввысь, посадив на кривую ветку широкого разлапистого дуба.

– Куда ты собралась, смертная? – Восставший мертвец отступил, и она уже сама в страхе схватилась за ствол, пытаясь удержаться в неудобном месте.

– Кто ты?! – в отчаянии выкрикнула она. – Откуда ты взялся?!

– Я нуар, смертная, страж богов и твой повелитель, – спокойно повторил тот. – Вы рождаетесь несчетанными массами, а нас, каждого в отдельности, взращивает бог, заботясь о каждой мелочи с мига зачатия и до того мгновения, когда мы берем в руку меч. Поэтому нуары всегда быстрее, сильнее, умнее и выносливее любого из вас. Мы созданы для того, чтобы оберегать и защищать богов! Вы же выращены для простейших работ и никогда не сможете сравниться с нами ни в чем, кроме терпения и послушания. Смирись с этим и повинуйся! Тебе выпала великая честь стать моим проводником в этом странном мире.

– Это бред! Это невозможно! – замотала головой археологиня. – Я сошла с ума!

– Я понял, что твой рассудок не вынес увиденного, когда ты заговорила о том, что проснешься и я исчезну. Я дал тебе время успокоиться и осознать случившееся. Теперь ты начи-

наешь все понимать.

– Нет! Нет!

– Тогда прыгай.

– Этого не может быть! Это невозможно!

– Прыгай, и ты поймешь, чем отличается сон от реальности.

– Нет!

Не то чтобы Дамира сильно боялась спрыгнуть с двухметровой высоты, однако она все еще не верила в реальность того, что с ней происходит!

– Тогда оставайся сидеть здесь, покуда не высохнешь, словно осенний лист. Как управлять повозкой, я уже понял.

Мужчина развернулся и стал продираться через густой можжевельник.

– Постой! – забеспокоилась «спящая».

Оставаться одной в диком лесу, далеко от жилья ей совсем не улыбалось. Тем более что частые предупреждения местных жителей о непуганых медведях были вовсе не шуточными.

Сон – не сон?

Реальность – или бред?

Во сне прыгать безопасно. И она прыгнула, на миг ощутив невесомость, но почти сразу больно зашибла левую ступню о торчащий камень, потеряв равновесие и кувыркнувшись под можжевельник, и ободрала щеку о низкие игольчатые ветки.

Мужчина оказался рядом. Присел, опустившись на коле-

но, склонил голову над ее лицом:

– Я нуар клана Ари, страж усыпальницы. Ты понимаешь меня, женщина?

– Ты меня убьешь? – спросила она.

– Нет, пока ты честно отвечаешь на мои вопросы.

– Ты меня изнасилуешь?

– Что? – не понял мужчина.

– Ты будешь меня мучить? Что ты собираешься со мной сделать? Зачем я тебе нужна?

– Я понял. Ты переносишь на меня нравы диких смертных. Нет, я не стану использовать тебя для утех! Ты рабыня, а я нуар. Боги запрещают смешивать кровь столь разных рас. Но я разрешу тебе встречаться с другими смертными. Теперь ответь, кто я такой?

– Ты нуар... – покорно прошептала Дамира. – Ты страж усыпальницы.

Прежнее бесшабашное веселье ушло, как пропал куда-то и страх. Внутри нее осталась только усталость. Она уже поняла, что пребывает в реальности, что все это происходит наяву. Но признала это лишь потому, что больше не смогла противостоять своим здравым смыслом происходящему вокруг безумию!

И восставший мертвец, похоже, это понял.

– Вставай! – он взял ее за руку и легко поднял. – Вези меня дальше.

Дамира покорно вернулась за руль, завела мотор и молча

покатилась по дороге, переваливаясь с ухабины на ухаб.

Через полчаса джип перескочил бетонный мост и въехал в деревню из десятка темных бревенчатых изб, что стояли в окружении сараев, крытых рубероидом и шифером.

– Это и есть город? – спросил Шеньшун. – Ваше стойбище?

– Нет, это всего лишь небольшая деревня. Подожди, я сейчас вернусь...

Она притормозила возле пластиковой будки с ярко-синим телефоном, сняла трубку и набрала номер 112. Когда ответили, монотонным голосом сказала:

– Я хочу сообщить о совершенном убийстве. Убиты студенты зарегистрированной археологической экспедиции, работающей на реке Акчим, возле лесовозной дорогой за селением Мутиха. Убийца уехал с места преступления на автомобиле «Форд-Маверик» с московскими номерами. Двигается в сторону Соликамска.

– Кто вы? Представьтесь, пожалуйста!

Однако Дамира повесила трубку, вернулась за руль и спокойно поехала дальше.

– Что ты сделала? – спросил Шеньшун.

– Предупредила полицию об убийстве, которое ты совершил, – честно ответила женщина. – Я понимаю, ты не виноват: в тебя стреляли, и ты спасал свою жизнь. Но пусть в этом разбирается суд. Как и с моим кошмаром. Теперь все кончится. И очень скоро.

На берегу реки, на просторном лугу за деревней, ярким букетом рассыпались полтора десятка красных, синих и ярко-зеленых палаток, серых и оранжевых надувных лодок и каркасных байдарок. Люди собирались в путешествие, в сплав по одной из самых красивых рек мира.

Но это была уже какая-то совсем другая, альтернативная, вселенная...

От Мутихи до Красновишерска тоже тянулась грунтовка. Но уже облагороженная, отсыпанная щебнем и песком, и потому здесь можно было двигаться куда быстрее.

Через час джип въехал в город, медленно прокатился по залитым солнцем улицам. Ни одного полицейского среди млеющих от жары местных жителей Дамира не заметила, а специально искать не рискнула. Медленно и уныло она вывернула на прямую, как стрела, соликамскую трассу и вдавила педаль газа.

«Маверик» вздрогнул и, словно почуяв свободу, прыгнул вперед. Через полминуты стрелка легла на отметку «сто шестьдесят».

Шеньшун не запаниковал и за ручки хвататься не стал, однако на безупречном лице супергероя отразилось некоторое удивление. Женщина несколько раз ощутила на себе его внимательный взгляд и слегка улыбнулась: знай наших! В могиле такого не увидишь! Да и среди богов, наверное, тоже.

Просвистев таким образом по почти пустой трассе километров сорок, Дамира наконец-то увидела впереди спрятан-

ную в тень сосен машину ДПС и с облегчением сбросила скорость.

Оба патрульных были с автоматами. Один, чуть выступив вперед, взмахнул полосатой палочкой, и водитель покорно придавила педаль тормоза, подруливая прямо к ним.

– Эти вот штуки у них в руках, они так же опасны, как те, что были в пещере? – насторожился мужчина.

– Намного опаснее! – злорадно ответила Дамира.

– Понятно, – кивнул воскресший, открывая дверцу.

– Документы на машину и права приготовьте, пожалуйста, – опустив жезл, попросил патрульный.

– Смертный, иди в лес! – сказал ему Шеньшун.

Полицейский молча повернулся, пересек дорогу и побрел в тайгу.

– И ты иди в лес, – сказал он второму.

И тот послушался. Но только направился по другую сторону дороги.

Шеньшун забрался обратно в машину.

– Поехали дальше.

Дамира растерянно тронулась в путь, но, проехав пару сотен метров, вжала педаль тормоза и повернулась к нему:

– Что это было?

– Они смертные – я нуар. Смертный не способен противостать приказу нуара.

– Подожди, подожди, подожди... – схватила за голову Дамира. – Ты мертвец, ты встал из могилы, и ты хочешь в

город. Ты понимаешь мой язык, тебя понимают все вокруг, тебя слушаются полицейские... Что это за бред?! Что за идиотизм? В тебя стреляли медвежьей картечью, но ты все равно жив... Нет, черт с этим! Скажи одно: почему ты меня понимаешь?!

– Ты не должна задавать вопросы, ты должна отвечать на них.

– Хватит талдычить одно и то же, как попка-дурак! – взорвалась она. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Ты дала мне клятву! И я заставлю тебя ее исполнить! – медленно поднял руку нуар.

– Да? Я что, обещала быть твоим извозчиком? – нервно расхохоталась Дамира. – Не пугай, я сегодня столько натерпелась, что мне уже плевать, даже если ты меня изнасилуешь и повесишь на этом дереве! Давай-давай, руби меня своей фанериной! И я все равно – слышишь! – все равно никогда не стану называть тебя господином, буйвол перекормленный!

– Ты ищешь моего гнева? – опустил руку Шеньшун.

– Гневайся, ископаемое! Или отвечай по-человечески, когда тебя спрашивают, или дальше пойдешь пешком вместе со своими клятвами!

– Вы совсем одичали, смертные, без хозяйской опеки и воспитания.

– Да уж какие есть! И если ты считаешь, что мы чем-то хуже тебя, можешь засунуть свое мнение Тутанхамону в реб-

ра! – женщина выскочила из «Маверика», громко хлопнув дверцей, и зашагала по шоссе в сторону Красновишерска.

Вскоре позади послышалось шлепанье босых ног.

– Я помню, тебя зовут Дамира! – сказал ей в спину Шеньшун. – Твоя воля и храбрость достойны нуара. Я согласен отвечать на твои вопросы, если ты поклянешься помочь мне исполнить мой долг.

– Достал ты со своими клятвами! – обернулась к нему «смертная».

– Твоя клятва есть мое условие, – ответил нуар. – Я расскажу тебе о тайнах моего мира, если ты расскажешь мне о тайнах своего. Ты узнаешь, кто я, зачем живу, почему я первым встал из саркофага, почему ты понимаешь мою речь и чего я хочу добиться.

Археологиня замедлила шаг. Повернулась.

Как ни крути, но она была историком!

Люди, не страдающие жестоким любопытством в отношении минувших веков, обычно выбирают себе другие специальности. И потому, несмотря на все безумие минувших часов, этот огонек любознательности продолжал теплиться у нее внутри.

– Ты действительно пришел из прошлого? Из очень далекого прошлого? Почему же тогда ты жив?

– Была война богов. Иные из них жаждали битв, иные сражаться не хотели. Мой бог предпочел спрятаться от ужасов, дабы восстать, когда опасность минует. Когда усыпальни-

ца открылась, я первым получил силу и пробуждение, дабы выйти в мир и узнать, насколько он безопасен для бога. Я должен узнать, кто победил в войне и кто выжил в ней. Я должен узнать, не захотят ли выжившие убить моего бога. Я должен узнать, насколько отравлена земля после великих битв и можно ли на ней жить. Я должен узнать, безопасно ли ему выходить из сна сейчас или лучше подождать еще. Я должен пробудить бога, если мир достоин его пробуждения, или запечатать усыпальницу вновь, если его жизни и власти еще угрожает опасность!

– Это шутка?

– Ты все еще не веришь своим глазам, смертная? Я устал уговаривать тебя принять свою судьбу! Решай быстрее. Ты поможешь мне или мне нужно искать другого раба?

– Ты хочешь сказать, что был погружен в анабиоз? – перевела его речь на более понятные термины Дамира. – И это сделала совсем другая, прежняя цивилизация? Сколько же тебе лет? Когда это случилось?

– Глупый вопрос, смертная. Я же спал! Как мне определить число минувших лет?

– Тогда откуда ты знаешь русский язык?

– Я его не знаю. Но все смертные понимают язык повелителей, они рождаются с этим знанием! Разумеется, сами говорить на этом языке не способны, ибо не воспитывались богами. Смертный не способен послушаться приказа, данного на языке богов! Поэтому право на него принадлежит толь-

ко богам и высшим слугам. Но мы умеем понимать вас и на ваших наречиях, ибо все они подобны языку изначальному. Прислушайся к моим словам. Ты понимаешь их, как свои родные, но они мало созвучны с привычными твоему слуху.

– Как это «не способен послушаться»?

– Вот так, – указал в сторону пустой патрульной машины нуар. – А теперь ответь мне, Дамира, способна ли ты помочь мне в исполнении моей миссии или эта ноша непосильна для твоего разума?

– Как раз для моего разума эта задача посильна, – даже немного обиделась ученая. – Я археолог, закончила аспирантуру и знаю исторических фактов поболее, чем свалено в интернете или записано в сказаниях. Если я не смогу найти нужной тебе информации, значит, ее нет вообще.

– И ты клянешься мне помочь?

– Ты – мне, я – тебе. Так будет по-честному.

– Да, – согласно кивнул нуар. – Так ты клянешься помочь мне исполнить миссию?

– О господи, во что я ввязалась! – на миг зажмурила глаза Дамира, все еще в каком-то далеком уголке души надеясь проснуться. Ведь это была самая жуткая авантюра, в которую только она могла влипнуть!

Но всей своей ученой душой младший научный сотрудник Иманова понимала, что если это не розыгрыш, не чья-либо затянувшаяся шутка, то второго такого шанса на славу и карьеру она уже не получит. Шутка ли: расспросить о

прошлом человека, реально жившего невесть когда и десяти-ки, если не сотни веков проспавшего в анабиозе! Да просто найти его и предъявить научному сообществу! Тут действительно было ради чего рискнуть...

Она раскрыла глаза и кивнула, невольно сглотнув:

– Да, я согласна. Клянусь!

* * *

В это самое время, наконец-то преодолев длинную полосу препятствий, называемую на карте лесовозной дорогой, на стоянку археологической экспедиции въехал мотоцикл «Урал» с затянутой брезентом коляской. Пригладив коротко стриженную голову, молодой сержант прошел меж тихих пустых палаток, провел ладонью над погасшим очагом, отвернул к пещере, перед которой лежала овальная гранитная плита, заглянул внутрь и тяжело вздохнул:

– Вот блин! Лучше бы он был ложным!

Вытянув шею, полицейский пригляделся к телам, отмахнулся, вернулся к мотоциклу и снял трубку рации:

– Сергеична, это Стасов, как слышишь?

– Слышу! Доехал?

– Да, я на месте. Сигнал подтвердился. Вызывай из области бригаду. Я пока вокруг осмотрюсь. Ну и зверье отгоню, коли на запах крови забредет.

Глава 3

Тайна Укрона

Чудесной особенностью Ростова-на-Дону оказался обширный речной порт, начинавшийся всего в трех кварталах от подворотни, в которую нырнул Вывей, уходя с места схватки.

Поскольку, замечая следы, первые два квартала он проскочил всего за минуту, аккуратно до забора, то и поиски надежного убежища на ближайшие недели заняли у волка от силы несколько часов. По ту сторону глухого высокого забора, за которым постоянно грохотали железнодорожные вагоны, гудели краны и транспортеры, где пахло углем, мазутом и горелой пылью, не нужно было опасаться случайных прохожих, собак, гуляющих с хозяевами, и санэпидстанции. Псины здесь попадались только бездомные, а они матерого волка ничуть не беспокоили.

Вывей отдыхал. Он отъедался парным мясом, он утолял азарт охотника, он отсыпался среди густого бурьяна, грелся на солнце, выл на луну, с наслаждением пил воду из грязных луж и валялся в самых пыльных развалинах, на время избавившись от диктата паркета, соседей, хлорированной воды и пересохшего собачьего корма из вонючих пластиковых мешков.

Речной порт Ростова оказался самым прекрасным местом, которое только видел Вывей, с тех пор как покинул родительское логово! Тут было немножко шумно и вонюче, но здесь его никто не замечал, словно в самом густом и диком лесу.

Увы, счастье не бывает вечным. В один из дней он услышал зов. Зов столь сильный и необоримый, что волк без раздумий поднялся, бегом промчался через бурьян к забору, с разбега нырнул в пробоину под кирпичной кладкой, выскочил по ту сторону на тротуар и с восторгом притерся к ноге высокой, тощей и плоской девицы с большущим губастым ртом, длинными красными кудрями и коричневыми от загара руками. Одета незнакомка была в белую блузу и длинную цветастую юбку из легкого полупрозрачного сатина и пахла... Она пахла раем!!!

– Фу-у-у, какой ты грязный! – брезгливо поморщилась незнакомка, и Вывей едва не застонал, млея от звуков ее голоса. – Больше так не делай, не то душу высосу! Пожалуй, сначала тебя нужно помыть, а уже потом все остальное. Пойдем поищем выход к реке.

– Наехало тут нищеты бездомной, – пройдя совсем рядом, буркнула какая-то горожанка, глядя в другую сторону.

Сказочная незнакомка вздрогнула, повернула голову ей вслед, чуть выждала, потом вдруг оскалилась и зашипела. У горожанки нога зацепилась носком туфельки за другую, она вскрикнула, взмахнув руками, и во весь рост растянулась на

пыльном горячем асфальте.

– Нет, не пойдем. Дело важнее всего, – передумала незнакомка, присела перед Вывеем на колени, крепко взяла его за щеки и внезапно горячо и сильно дунула в нос...

...Варнак вздрогнул от неожиданности, дернулся и приподнялся в постели, тяжело дыша и глядя в белый потолок. Рядом что-то испуганно запищало, что-то взвыло на низкой утробной ноте, потом часто-часто запикало. Вдалеке послышался нежный двухтональный сигнал, который сменился торопливыми шагами. Через несколько секунд распахнулась дверь, в палату заскочила медсестра лет тридцати, ободряюще улыбнулась:

– Ну, теперь точно все самое страшное позади! Теперь отдыхать! Обязательно отдыхать!

И она умело вонзила ему в плечо иглу одноразового шприца...

* * *

Когда Еремей пришел в себя снова, комнату наполнял знакомый аромат сирени, хорошо перемешанной с запахом оружейной смазки, пота и зубной пасты.

– У меня дежавю... – простонал он, не открывая глаз.

– А-а-а, значит, не меня одного обуревают это чувство! – обрадовался полковник Широков. – Должен сказать, Варнак, ты живуч, как кошка! В сквере на Садовой улице тебя да-

же признали мертвым. Однако при подъезде к госпиталю фельдшер все же заметил признаки слабого дыхания и нащупал пульс. И только благодаря этому ты попал не в морг, а в палату для особо охраняемых коматозников. Но даже в коме тебе тихо не лежалось, решил вчера девчонку напугать.

– Это разве не Ростов? – скривился Еремей, приоткрывая глаза. – Чего вы тут делаете, Сергей Васильевич?

– А ты забыл? Так я тебе напомним, – широко ухмыльнулся фээсбэшник, доставая из кармана и разворачивая машинописный листок. – «В результате взрыва, спровоцированного гражданином Варнаком, было разрушено зеленых насаждений: деревьев тридцатилетних – 6 штук, кустов декоративных – 30 погонных метров, повреждено покрытие с травой газонной на площади 0,8 га. Кроме того, повреждено мусорных бачков – 2 и выбиты стекла в 84 квартирах. Таким образом, общий ущерб от действий гражданина Варнака составляет один миллион восемьсот шесть тысяч рублей двадцать семь копеек, что превышает предел административной ответственности и подпадает под статью 77 Уголовного кодекса».

– Про двадцать семь копеек умилило особо.

– Зря умиляешься! Ты валяешься здесь, а не в тюремной больнице, исключительно потому, что до сих пор числишься пребывающим в глубокой коме. И вроде бы даже безнадежным. Без этой, как ее... ЭКГ-активности⁴ коры головно-

⁴ Электрокардиограмма. К деятельности мозга никакого отношения не имеет.

го мозга. Но я могу и перепутать.

– И за что на этот раз? Я же обезвредил террориста и заминированную машину.

– Еще как обезвредил! – зловеще захохотал полковник. – На глазах полусотни свидетелей, из которых четверо вообще наблюдали все от начала до конца! И теперь, Ерема, все МВД в радиусе двухсот километров отчаянно хочет знать: а как ты догадался, гастролер московский, что нужно обезвреживать именно этого недоеденного наркомана и его драную повозку? Так шта-а пытаться тебя здесь намерены куда сильнее самого подрывника! Ибо он мелкая сошка и явно ничего не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.